

Александр Брыксенков
Андрей Брыксенков

КРАСНАЯ ОМЕГА

Часть третья: Отбой «ОМЕГИ»

Александр Брыксенков

**Красная омега. Часть
третья: Отбой «ОМЕГИ»**

«Издательские решения»

Брыксенков А.

Красная омега. Часть третья: Отбой «ОМЕГИ» /
А. Брыксенков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962948-7

СССР входил в режим стагнации. Это ощущали многие. Но особенно остро чувствовали угасание страны осведомлённые люди в КГБ. Для спасения Союза они сплотились в заговорщицкую группу, деятельность которой была направлена на отстранении КПСС от власти... Главная забота заговорщиков заключалась в подыскании на ответственные государственные должности людей. Эту задачу они решили своеобразным образом, раскрытию которого и посвящена книга.

ISBN 978-5-44-962948-7

© Брыксенков А.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	6
ДАЛЕКО ЛЬ ДО КОНСЕПСЬОНА?	7
БРОНЯ НЕ РЖАВЕЕТ	8
УРБАНИЗМ И МАНИЛОВЩИНА	10
«БАЛЕТ»	17
ДОЛОЙ ЛИНКОРЫ!	19
РОСНОЕ УТРО	23
ЗАГОВОР	25
МАШКА	29
ЛЕЛЕЙТЕ ЖЕНЩИН	33
ГЛАВА ВТОРАЯ	38
МАРШ ХЕТАГУРОВОК	39
ПОЧЕМУ, ПОЧЕМУ?	43
ВЕЛИКИЙ БЮСТ	45
«КАРАМЕЛЬ»	48
КАЛИНКА, МАЛИНКА	52
РЫБАКИ ЛОВИЛИ РЫБУ	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Красная омега

Часть третья: Отбой «ОМЕГИ»

Александр Брыксенков
Андрей Брыксенков

© Александр Брыксенков, 2019

© Андрей Брыксенков, 2019

ISBN 978-5-4496-2948-7 (т. 3)

ISBN 978-5-4496-2496-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«За успехи в деле многократного награждения товарища Брежнева орденом Ленина наградить орденом Ленина – орденом Ленина...»

С. Довлатов. Записные книжки

Навались!!!

ДАЛЕКО ЛЬ ДО КОНСЕПСЬОНА?

По косвенным признакам создавалось впечатление, что русские приступили к созданию сейсмического оружия. Однако, эта, вроде бы, тревожная весть никого в американских компетентных кругах не беспокоила: Америка уже прошла этот путь и результат получила отрицательный. Научные исследования, проведенные по заданию Пентагона в Геофизическом центре, заставили специалистов прийти к выводу о бесперспективности попыток создания сейсмического оружия. Такой вывод базировался на следующих реалиях.

Искусственно вызвать землетрясение невозможно из-за непомерной потребности в энергии. Его можно лишь «подтолкнуть», когда оно уже «созрело» естественным путем, то есть, можно лишь спровоцировать начало процесса чуть раньше положенного срока, используя для этой цели направленный ядерный взрыв.

Дополнительным препятствием в деле создания сейсмического оружия является и то, что «созреть» землетрясение может не везде, а только в областях молодых складчатых гор и в зонах крупных тектонических разломов. Таких зон не так уж и много, а на обширных же платформах, где очаги землетрясений вообще отсутствуют, ни о каком искусственном инициировании заметных тектонических движений и речи не может быть.

Главной же сложностью является невозможность предсказать, где именно накапливаются в земной коре значительные напряжения и когда «созреет» очередной катаклизм.

Тот год в сейсмическом отношении был исключительно бурным. Дрожали Курилы, тряхнуло Кордильеры, заколебалось дно Индийского океана.

Вначале газеты и телевидение вяло реагировали на эти явления, поскольку ничего такого, что обычно возбуждает журналистов, не происходило. Ни грандиозных разрушений, ни штабелей трупов. Но когда мощный удар подземной стихии прошелся по Консепсьону в Чили, сейсмическая тема стала преобладающей и в печатной и в электронной прессе. На страницах газет и журналов, на экранах телевизоров появилось бесчисленное множество изображений пострадавшего города. На обывателя обрушился водопад страшных подробностей поразившей Консепсьон катастрофы.

За этим обилием горячей информации на сейсмическую тему почти незамеченным прошло сообщение ТАСС о том, что на территории СССР в народнохозяйственных целях произведено несколько подземных ядерных взрывов.

БРОНЯ НЕ РЖАВЕЕТ

Рано утром деда Сергея разбудило не щебетание птиц и не лучи солнца, а разбудило его резкое лязганье железа. То шумел Константин Викентьевич. Поднявшись ни свет, ни заря, он поспешил взгромоздиться на свою любимую технику, чтобы приступить к её активному освоению. Нависнув над двигателем, танкист долго его протирал, что-то в нем подкручивал, затем переместился к фрикциону и коробке передач. Закончив копаться в силовой установке и трансмиссии, он приступил к смазке всего и вся. Особенно обильно поливалась соляровым маслом ходовая часть. Там смазывалось все, вплоть до резиновых бандажей на катках.

Минуту, другую дед наблюдал за танкистом, а затем приступил к хозяйственным хлопотам. Он подбросил хвороста в костер и, не беспокоя все еще спавшего моряка, стал заниматься приготовлением завтрака. Стряпня полностью заняла старика, и он длительное время не обращал внимания на Константина Викентьевича, а когда, наконец, обратил, то увидел странную вещь.

Танкист с деловым видом нацеживал дизтопливо из длинной цистерны в найденное им где-то ржавое ведро. После чего перемещался к «тридцатьчетверке» и выливал содержимое ведра в топливный бак танка. И так несколько раз.

– Никак он собирается танк заводить?! – изумленно предположил дед и оказался прав. Когда танкист, весь пропахший соляровкой, появился к завтраку у костра, он сразу же озорно спросил:

– Синьоры! Как вы относитесь к возможности покататься на танке?

Дед хохотнул, а подводник уверенно изрек:

– Это нонсенс.

– Ну, уж и нонсенс! – отмахнулся танкист.

Но Павел Леонтьевич тут же приступил к обоснованию своего категоричного утверждения:

– Конечно, нонсенс! Прежде всего, двигатель находится в нерабочем состоянии. Как никак пятьдесят лет не эксплуатировался. А, кроме того, отсутствуют аккумуляторы. Как ты запустишь двигатель без электростартера?

– Ну, запустить двигатель можно не только стартером но и сжатым воздухом из баллонов высокого давления. Только они тоже отсутствуют.

– Вот видишь!

– А зачем нам стартер? Зачем сжатый воздух? Машина-то стоит на крутом пандусе, да и дальше идет спуск. Отдай тормоза, она и покатит под уклон. Я проверил – двигатель новый, значит компрессия хорошая, а при хорошей компрессии двигун зафурычит с одного оборота.

– Допустим, что зафурычит и что? Что мы с твоим фурычащим чудом делать будем?

– Как, что? Как, что? – заволновался танкист. – Возьмем да и прицепим к нему малютку Т-38, возьмем да и отбуксируем этот плавающий танк по «Дороге жизни» прямо к железнодорожной станции. Может быть, и еще чего-нибудь прихватим. Тут разного военного добра времен Отечественной войны навалом.

– Ну-ну! – смиловился приятель. – Давай, танкист, трудись! Дерзай, пробуй!

После завтрака Константин Викентьевич поспешил к своей «тридцатичетверке», а скептически настроенный подводник в сопровождении любопытствующего деда отправился описывать и фотографировать объекты, представлявшие по мнению музейщика, историческую ценность. Часа через два их нашел танкист:

– Ребята, подсобите. Машину нужно немного подтолкнуть. А, то никак!

Дед изумился:

– Ни хрена себе! Подтолкнуть! Это же не «Жигуль» какой-нибудь!

– Мужики, машина пойдет! Точно! Я всю ходовую соляркой пролил. Там просто траки немного присохли к бетону. Если дать машине импульс, она под горку-то покатит.

С первой попытки ничего, конечно же, не получилось. Казалось, что танк и бетонный пандус – это единый монолит. Тогда по совету деда все вооружились железками и начали отскабливать траки от засохшей грязи и спекшегося лесного мусора, обращая особое внимание на те места, где металл контактировал с бетоном.

После часа нудной работы танкист вновь обильно пролил соляркой траки, катки, ведущие колеса. Но ни со второй, ни с третьей попытки сдвинуть с места бронированную махину нашим толкачам не удалось. Они уже решили отказаться от бессмысленной затеи, но танкист уговорил их попробовать еще разок и предложил применить для толкания рычаги.

Не веря в удачу, дед с неохотой притащил из главного цеха два деревянных бруса. Они с подводником просунули эти брусья под корму танка и по команде танкиста дружно навалились на них.

Казалось, что танк неподвижен, но вдруг что-то чуть лязгнуло, затем брякнуло, загремело, и «тридцатьчетвертка», к изумлению толкачей, стала сползать с пандуса. И тут же произошло чудо: загрохотал двигатель!

Танкист, что называется, дорвался. Он гонял танк взад и вперед по заводскому двору, делал развороты, менял скоростной режим. Наконец натешившись, он загнал машину на холм у пруда и вырубил двигатель.

УРБАНИЗМ И МАНИЛОВЩИНА

Маленький плавающий танк стоял в цеху лобовой частью к окну. Танкисту со своим Т-34 к нему было не подобраться. Чтобы вытащить малютку Т-38 наружу, решили разобрать кирпичную кладку под подоконником. Хотя высота кладки была не более метра, на разрушение её ушло очень много времени. Пока разгребли осколки кирпича, пока нашли трос для буксировки танка, день склонился к вечеру и отправляться в обратную дорогу было уже поздновато. Решили еще одну ночь провести на заводе, а уж завтра, по утренней свежести, не торопясь, тронуться в путь.

И снова ночь под открытым небом, и голубые звезды, мерцающие в глубокой черноте, и бальзамные ароматы леса, и шорохи, вздохи, вскрики, не спящего даже ночью глухого урочища. И снова длинные и, конечно же, пустопорожние разговоры двух горожан.

На этот раз в диалоге друзей первую партию вел танкист. На длинные речи он был завезден, хотя и банальным, но довольно провокационным вопросом Павла Леонтьевича:

– Ты вчера сетовал на то, что по какой-то непонятной причине Ленинградом-Петербургом управляли и управляют не ленинградцы, а люди иногородние, которые в силу своего провинциального менталитета, творили и творят с городом то, что было бы очень приемлемо в их родном тьмутараканье, но совершенно не звучит в Питере.

– Да, Это так!

– Тогда у меня вопрос: «Какие бы ты провел в Петербурге мероприятия, если бы вдруг стал губернатором?»

– Ха! Как раз для меня это не вопрос. Об этом я думаю давно, то есть думаю не о том, как стать губернатором, а о том, что нужно сделать в Петербурге, чтобы он стал действительно красивейшим городом мира. И это должны быть не мероприятия, как ты говоришь, а тщательно отработанные объемные программы.

– Ну-ка, ну-ка, доложи суть своих программ.

– «Ну-ка, ну-ка!» – передразнил своего товарища Константин Викентьевич. – И доложу! Только при условии добавления к твоему первому допущению «если бы ты стал губернатором», второго – «если бы губернатор имел много, ну очень много денег».

– Ладно, считай, что у тебя, как у губернатора, куча денег. Ну, и что?

– Не спеши! Не гони волну. Речь моя будет сухой и скучной. Тема-то не очень животрепещущая.

– Ничего! Если станет скучно, то я просто на просто засну, и все.

– Добро! А теперь скажи мне, как давно ты взбирался на Исаакий?

– Давно. В юности. С девушкой.

– А я недавно там был. Приехали гости с Урала и попросили показать город. С высоты птичьего полета. Ну и повел я их на Исаакий. Да и зря.

– А, что так?

– Раньше, как ты знаешь, посетителей пускали на самый верх собора. Это было захватывающе! Впечатления начинали наплывать уже при подъеме по ажурной винтовой лестнице, прилепленной снаружи высокого каменного барабана, на котором покоится купол. Поднявшись по её узким, железным ступенькам на кольцевую площадку, которая обегала вокруг основания купола, многие из посетителей этим и ограничивались, но наиболее любопытные и рискованные индивидуумы, достигнув кольцевой площадки, решительно ныряли через небольшой проем внутрь купола и продолжали подъем по металлическим маршам к маленькой дверце на самом верху свода.

Пройдя через эту дверцу, люди немели от сладкого ужаса и пьянели от восторга. Перед ними внезапно открывалась бездна, в которую круто ниспадала, похожая на панцирь гигантского чудища, блестящая на солнце золотая поверхность купола. От бездны отделяла людей лишь тонкая стальная полоска перил. Внизу букашками ползли автомобили и троллейбусы, дома казались игрушечными.

Немного освоившись с высотой, публика поднимала глаза и сразу же замирала в восхищении от вида правильных кварталов и площадей города, от сверкающей Невы и её рукавов, от неповторимой, четкой красоты прекрасного города, обрамленного легкими дымками заставских заводов, за которыми мутнели зеленые дали.

Теперь туристов не пускают на вершину собора.. Смотровой площадкой является пространство вокруг основания барабана. С этой невысокой площадки турист не способен увидеть беспредельную панораму города, но зато может в упор рассматривать латаные перелатанные крыши центрального района города, с интересом фотографировать обвалившиеся печные трубы, неоштукатуренные боковые стены домов. От этого вида гости города отнюдь не впадают в восторг. Не впали в восторг и мои пермяки: «Вид не очень баский. Это как у худой хозяйки – посредине блеск, а по углам тенёта».

Константин Викентьевич немного помолчал, а затем продолжил:

– Да, плохо, когда городские крыши дырявые. Но худы в Петербурге не одни крыши. Очень постарели фасады зданий. Со стен сыплется лепнина, отваливаются архитектурные детали, рушатся балконы. Сильно износились мостовые и тротуары. Пришло в ветхость подземное хозяйство. Да, и с транспортными «пробками» что-то делать надо, и с автомобильными выхлопами – тоже.

– С выхлопами и с «пробками» ты не справишься.

– Если радикально, то элементарно. Нужно запретить использование в черте города автотранспорта с двигателями внутреннего сгорания, создав при этом разветвленную сеть общественного электротранспорта. Вот и нет гари. Нежелающие кататься на общественном транспорте могут обзавестись электромобилями. А чтоб не было пробок, следует прорыть под

городам, для начала, два сквозных пересекающихся туннеля с выходами на городские магистрали, а по окраинам города построить окружной сабвей.

– Утопия.

– Если денег очень много, то не утопия. Тебе уже понятно, что моя первая программа – это программа капитального ремонта города от крыш до подземных коммуникаций.

– Ого! Это же прорва денег и труда!

– А, что прикажешь делать? Город обветшал. Все предыдущие градоначальники ограничивались лишь косметическими операциями, да и то от случая к случаю: то юбилей какой-нибудь, то Генсек заглянет.

– Вынужден повториться: чтобы капитально отремонтировать Петербург нужны немислимые средства и многие годы интенсивной работы.

Вид на центр Петербурга с Исаакиевского собора

Марсово поле

57

– Конечно! А ведь это еще не все. Питерские градоуправители неустанно увеличивали число заводов и фабрик, они активно привлекали в город рабочую силу. Однако такая деятельность непродуктивна.

Необходимо не увеличивать, а сокращать промышленное производство в городе. Необходимо перемещать крупные предприятия в города-спутники и в ущербные городки Ленинградской области. Нужно не увеличивать, а сокращать численность населения города и постепенно

ликвидировать так называемые спальные районы, все эти ГДР, ФРГ, США и пр., организовав на их месте зеленые зоны отдыха, пансионаты, развлекательные и спортивные центры.

– Идея хороша. Только на что город жить будет? Налоговые-то поступления в городскую казну сразу же упадут.

– Город, в основном, будет жить за счет туристов

– Так их еще нужно заманить.

– Для этого существует моя главная программа. Она посвящена превращению Петербурга в самый красивый и привлекательный для туристов город мира. Для этого необходимо реконструировать и облагородить сначала исторические, а потом и освоенные в советское время кварталы города и обязательно создать новые объекты, привлекательные для туристов. Ну, и конечно, резко поднять уровень сервиса.

– Что касается Новой Деревни, Выборской стороны, Охты, Невской и Московской застав, то да, там есть, что облагораживать. Но скажи мне, пожалуйста, что можно еще изменить, перестроить, реконструировать в исторически сложившихся, ставших классикой, районах города. Да еще учти, что строительная деятельность в центральных кварталах города жестко лимитирована?

– Да не слишком-то и жестко. Это при коммунистах были строгости, а теперь... А сделать можно очень и очень многое!

– К примеру?

– Возьмем самый-самый центр Петербурга – Марсово поле. Я бы привел его внешний вид в полное соответствие с его названием. Для этого уместными были бы следующие меры:

Вновь установить прекрасный обелиск «Румянцева победам» на его прежнее место, в передней части Марсова поля. Сейчас этот памятник русскому оружию, совершенно незаметный за сенью деревьев, стоит в садике у здания Академии художеств. На его опустевшее место художники могли бы поставить любую античность, которая там будет очень уместна.

Затем, перенести обелиск «Город-герой Ленинград» с площади Восстания, где он совершенно неорганичен, в тыльную часть Марсова поля, а на освободившееся перед Московским вокзалом место вернуть, памятник императору Александру III.

Восстановить Красный канал, который раньше пролегал по краю Марсова поля вдоль Павловских казарм, соединяя Мойку с Невой. Перекинуть через него несколько мостиков в стиле ампира с богатой орнаментовкой военными доспехами, оружием, знаменами; установить красивые фонари.

Продолжить Марсово поле в сторону Троицкого моста с тем, чтобы включить одиноко стоящий памятник Суворову в комплекс Марсова поля, а транспортный поток в створе Миллионной загнать под землю.

Продолжая твою тему о блокадных мемориях, я бы установил в одном из углов Марсова поля памятный знак о том, что здесь во время блокады располагались зенитные батареи. На гранитном возвышении резонно было бы выставить образцы тогдашних противовоздушных средств: пару зенитных пушек, шумоулавливающую установку, знаешь, с такими четырьмя большущими раструбами и прожектор, который был бы действующим. За минуту до полночи он бы включался, описывал лучом круг над городом и ровно в 24.00 потухал. И еще. Надо сказать, что в вечерние часы этот уголок города фактически пустынен. Для оживления его следовало бы классические Павловские казармы переоборудовать в приличную гостиницу, над которой ежеутренне под звуки старинного марша поднимался бы большой флаг, расписанный под знамя Павловского полка.

Танкист перестал вещать и, не ощущая никакой реакции со стороны своего слушателя, спросил:

– Ты, что, уже спишь?

– Нет, – отозвался собеседник, – все еще слушаю эту урбанистическую чушь.

– Почему чушь? Ну, почему чушь!?

– Да потому, что специалисты и в первую очередь архитекторы, обязательно скажут и об искаженных пропорциях, и о смазанной перспективе, и о перегруженности пространства и еще массу умных слов придумают. И всё! И твой проект, тью-тью, испарится.

– Я об этом думал и от нечего делать смастерил бумажный макет Марсова поля в масштабе 1:100, так на нем все выглядит очень даже здорово. И оба обелиска не мешают друг другу.

– Смотри-ка ты! Болезнь-то зашла глубоко!

– И никакая это ни болезнь, а просто интересно.

– А, кроме специалистов, нужно спросить граждан города. И еще неизвестно понравится ли им такая модернизация или нет. Вон демократы пошли без спроса переименовывать, переставлять, демонтировать советское прошлое, считая, что поступают правильно. А если бы спросили людей, то ответ не всегда получили бы в свою пользу. Вон в смутную пору непоседы-либералы рвались демонтировать революционные памятники Ленинграда, но горожане воспротивились.

– А в Москве все поносили..

– Ну, москвичи всегда были торопыгами. Они в свое время и с царскими памятниками подсутились.

– Конечно, мнение петербуржцев должно быть, безусловно, учтено. Но я думаю, что такое переустройство Марсова поля им понравилось бы.

– С Марсовым полем всё более или менее понятно, а что ты будешь творить в более укомплектованных различными строениями районах? Например, в районе Адмиралтейства?

– Очень многое! – отозвался урбанист-идеалист и начал излагать свои идеи о сносе старых жилых домов, закрывающих вид на Адмиралтейство со стороны Невы; об устройстве на месте этих домов обширного бассейна, соединенного каналом с Невой; о расположении в этом бассейне точных копий российских парусных кораблей различных эпох, о постановке на швартовы в Неве напротив Адмиралтейства подводной лодки, сторожевика и эсминца (понятно, если они еще где-нибудь сохранились) времен холодной войны. Правда я немного сомневаюсь: потянется ли турист на эти старые, ржавые железяки, понесет ли он туда свою денюшку.

Корабельная тема встрепнула начавшего было дремать моряка-подводника:

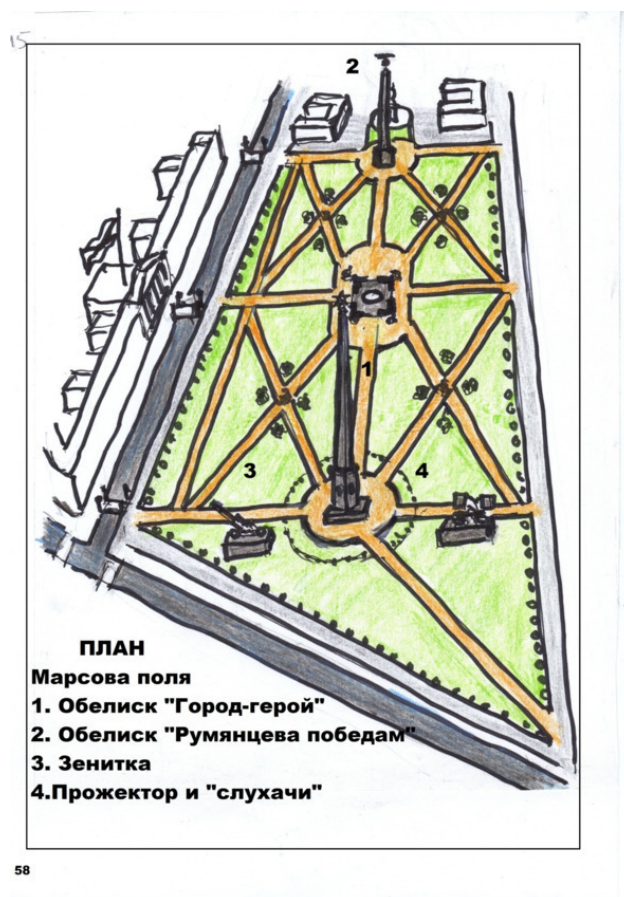
– Корабли – не железяки. Любой корабль имеет имя и судьбу. И ржавчины на кораблях практически нет. Моряки нещадно борются с коррозией, используя краску и густую смазку, а незащищенные стальные детали тщательно чистят. Сейчас не знаю, а прежде большая приборка на кораблях обязательно завершалась командой: «Медь, железо драить, резину мелом белить. Палубу скатить и пролопатить.»

А, что касается денюшки, то не волнуйся – денюшку туристы обязательно понесут. Да и не только туристы.

– Откуда у тебя такая уверенность? – недоверчиво проворчал танкист.

– Однажды я попал в Пенемюнде. Это бывший ракетный центр нацистской Германии, где в свое время активно шуровал фон Браун. Теперь на месте этого центра историко-технический музей. Вот его-то я и посетил. Экспонаты музея оставили какое-то тягостное впечатление, поэтому, когда на выходе из музея экскурсовод предложил осмотреть подводную лодку, вся наша группа согласилась, а я тем более: ну как же, немецкая субмарина, нужно познакомиться. Однако, увы, меня ждало разочарование, а также и удивление. У пирса стояла не немецкая, а наша родная подлодка 651-го проекта. Как она здесь оказалась? На её рубке было крупно намалевано: U-461, а на флагштоке почему-то бился красный флаг с серпом и молотом. В борту лодки было вырезано входное отверстие, к нему с берега тянулся трап, в начале трапа стояла будка-касса, к кассе выстроилась приличная очередь. Без какого-либо энтузиазма встал в очередь и я.

Ну, молодцы немцы! Они одряхлевшую грозу авианесущих кораблей превратили в хорошее развлекалово. В лодке царил дух живого организма. Пахло соляжкой и кофе. Постукивали какие-то механизмы.

В трубопроводах булькала вода. Где-то периодически потравливал воздух. Трансляция выдавала немецкие команды. У механизмов и торпедных аппаратов стояли манекены, одетые в морскую форму, а один манекен в тельняшке и со спущенными трусами восседал на унитазах, что очень веселило немецкую публику. Когда я сошел на берег, то увидел, что очередь к кассе заметно увеличилась.

Вот так, а ты сомневаешься – понесут люди денюшку или не понесут. Обязательно понесут. Это же интересно.

Моряк замолк, а танкист начал распространяться о переносе в здание Адмиралтейства Военно-морского музея, но через некоторое время он перестал прожектерствовать, обнаружив, что его коллега мирно и крепко спит.

«БАЛЕТ»

Нет, не случайно «Ворону» укоротили ремонт. Не зря его досрочно выдернули из Николаева. На флоте ставился яркий спектакль, военно-морской балет (как выражаются моряки) под названием: «Поиск и атака подводной лодки, с фейерверком, стрельбой и реальным бомбометанием». И в этом действе «Ворону» предназначалась роль премьеры. И не потому, что он был лучшим в дивизии ОВР. Как раз, наоборот: именно к «Ворону» имелось со стороны начальства дивизии больше всего претензий. А потому выбрали «Ворон», что он был пока единственный из сторожевых кораблей, который имел на вооружении мощное противолодочное оружие: две реактивные двенадцатиствольные установки «Смерч», действие которых и планировали показать флотские стратеги дорогому Никите Сергеевичу, которой прибывал с инспекторским визитом на Черноморский флот.

Следует отметить, что действия противолодочного корабля, выполняющего учебно-боевую задачу по обнаружению и уничтожению вражеской подводной лодки зрелищным не назовешь. В предрассветной сумеречности, беспрестанно меняя курс и скорость, мечется среди лохматых волн одинокий сторожевик. Это он ищет подводную лодку. Ищет долго и, в большинстве случаев, безрезультатно. Оно и понятно.

И акустическая аппаратура того времени не была совершенной; и гидрология Черного моря, где холодные плотные слои воды перемешиваются с теплыми водами меньшей плотности, не способствовала прямолинейному прохождению акустического сигнала; да и «вражеская» подлодка решала свою задачу по прорыву противолодочного рубежа, а поэтому активно маневрировала.

Наконец, акустик, вроде бы, определял пеленг на лодку. Охреневший от метаний по мостику командир орал в микрофон: «Боевая тревога!!! Атака подводной лодки!». Сторожевик устремлялся вперед. Над предполагаемым местом нахождения подводной лодки бросалась в море шумовая граната, имитировавшая взрыв глубинной бомбы. И всё!

Но это в жизни. Это морские будни. «Балет» же – совершенно другая картинка!

Ласковым летним утром, по ласковому же теплему морю на малой скорости строем «клин» двигался ордер из трех кораблей. В центре – «Ворон», справа и слева – по малому противолодочному кораблю (МПК), которые, как и «Ворон», имели установки «Смерч». Мористее, на траверзе ордера, в пяти-восьми кабельтовых от него с такой же скоростью, как и ордер, скользила строго параллельным ему курсом кокетливо-белоснежная правительственная яхта «Ангара» с Хрущевым на борту.

«Балет» начался с появлением на горизонте, прямо по курсу ордера, боевого вертолета. Он немного покружился над волнами и сбросил специальную пашку, которая, достигнув поверхности моря, взорвалась и окрасила воды в ярко зеленый цвет. Эти движения означали, что вертолет «обнаружил» подводную лодку противника и обозначил её местонахождение цветовым пятном.

Сразу же за кормой «Ворона» всплеснул бурун. Сторожевик резко увеличил скорость и бросился в атаку на вражескую субмарину. Его примеру последовали и оба МПК.

Барсукова снедало любопытство. Для ветеранов «Ворона» ракетная стрельба не была новинку, а молодой лейтенант еще ни разу не наблюдал этого зрелища. Поэтому он, несмотря на объявленную боевую тревогу, передал свои обязанности старшине машинной команды, а сам, поднявшись из машинного отделения и слегка приоткрыв дверь на верхнюю палубу, стал наблюдать за событиями, которые развивались следующим образом.

За милю до центра зеленого пятна на кораблях завывли, завершали все шесть установок «Смерч». Через считанные секунды 72 реактивные, глубинные бомбы накрыли большую акваторию. Поскольку для вящего эффекта взрыватели бомб были установлены на небольшое углубление, то перед удивленными взорами Хрущева и его свиты несколько гектаров моря красиво и мощно вспенилось на десятиметровую высоту.

После окончания работы реактивных установок «Ворон» продолжил движение вперед, а МПК разошлись веером. Через некоторое время со всех кораблей начался сброс больших глубинных бомб, а на «Вороне» заработали еще и два бомбомета, которые стали швырять глубинные бомбы направо и налево на 200 метров от бортов корабля. Бедная подлодка!

Завершив бомбометание, командир «Ворона» доложил на «Ангару» об «уничтожении» подводной лодки противника. «Ангара» ответила благодарностью Никиты Сергеевича, затем подняла «ХА» до места, что означало: «Конец учения» и отсемафорила: «Кораблям следовать в базу самостоятельно».

Оба МПК пошлепали в Стрелецкую бухту, а «Ворон» немного подождав, совершил циркуляцию и, не спеша, направился в зону недавнего бомбометания. Там с корабля была спущена шлюпка, гребцы которой, сделав несколько гребков, побросали весла и начали азартно вылавливать оглушенную взрывами рыбу. Вылавливать и швырять её на дно шлюпки.

Вечером, на зависть всей бригаде сторожевых кораблей, камбуз «Ворона» выпускал аппетитные ароматы. Каждый вороновец получил на ужин по две больших жареных рыбины. Хороший все-таки и заботливый был командир «Ворона». Тем не менее, очень скоро подведет его старпом, а матросики подгадят, организовав «гороховый бунт». И только личная благодарность Хрущева за хорошее бомбометание спасет его от позорного изгнания с флота.

ДОЛОЙ ЛИНКОРЫ!

После посещения Хрущевым Черноморского флота и ряда военных округов, где ему были показаны в действии новейшие виды ракетного вооружения, сначала в «Красной Звезде», а потом и в других центральных газетах появились статьи крупных военных специалистов. В этих статьях солидно обосновывалась ненужность в ракетно-атомный век такого устаревшего и уязвимого при атомном ударе вооружения, как линкоры и крейсера, самолеты и вертолеты, тяжелая артиллерия и танки. Элитными становились ракетные войска и подводный флот.

И началась в Вооруженных силах преступная, как казалось многим, катавасия. Началось массовое списание и уничтожение боевой техники, а параллельно с уничтожением и списанием материальной части началось резкое сокращение численности личного состава

Газетчики с удовольствием живописали, как списанные танки пахнут в колхозах землю, как могучие военные тягачи подвозят к молокозаводам батареи бидонов с молоком. При этом они не озадачивались вопросом, во что должна обойтись колхозу эксплуатация такой махины, как современный танк.

Чистой воды наслаждение испытывали журналисты (почему то им не нравились офицеры), сообщая о том, как табуны капитанов, майоров прилежно осваивают профессии свинарей, дояров, слесарей, сварщиков. По причине своей недалекости не понимали журналисты, что подобными радостными сообщениями они выставляют страну в очень невыгодном свете. В разных там Америках отставные офицеры приглашаются фирмами, компаниями на престижные руководящие должности, а нашим майорам доверяют лишь пороссячий навоз убирать.

Понятно, что вместе со всеми Вооруженными силами активно разоружался и Черноморский флот. Лейтенант Барсуков с небольшой

Офицеры "Ворона".

Просека

59

группой матросов направлялся к автобусной остановке, чтобы добраться до Угольной стенки, где стоял подготавливаемый к разделке крейсер «Адмирал Нахимов». Командир БЧ-5 послал их туда с наказом разжиться кой-какими приборами и прокладочно-уплотнительными материалами. Бок о бок с ними, по бурой степи урчали два гусеничных тягача. Они медленно волокли прямо по грунту толстенные орудийные стволы, извлеченные из башен разоружаемой батареи береговой обороны. Стволы, скользя по металлическим включениям, оставшимся в земле со времен войны, издавали резкие, пронзительные визги. Под эти стенания моряки погрузились в полупустой рейсовый автобус и поехали в город.

Крейсер стоял с небольшим креном на правый борт, над которым возвышалась стрела плавучего подъемного крана, с качающейся на тросах носовой орудийной башней, только что оторванной от палубы крейсера.

Взбежав по трапу на борт корабля Барсуков привычно бросил правую руку к фуражке, хотя, как он сразу понял, приветствовать было нечего: флаг корабля был давно и навсегда спущен. Поползав по низам, вороновцы поживились немногим: тут уже до них хорошо поработали механики с ближайших к раскуроченному крейсеру кораблей.

На «Нахимове» Барсуков встретил двух своих однокашников. Они тоже прибыли на крейсер за поживой. Обрадованные встречей, лейтенанты стояли на баке у обреза, дымили сигаретами и жарко обсуждали происходящее на флоте очевидное безобразие. Особенную горечь вызвала у них новость о том, что на Николаевском судостроительном заводе началась резка уже готовых на 70—85% современных боевых кораблей.

Лейтенанты-механики после бурного обмена мнениями, в конце концов, пришли к одному решению: уничтожение кораблей – очередная дурь Хрущева, и этой дури, в силу природного жополизства, не препятствуют высокопоставленные флотские чины.

Наблюдая всесоюзный военный погром, недоумевал не только флот, недоумевала вся армия и не только советская, но и зарубежная. Военные специалисты Запада никак не могли понять, в чем суть развернувшейся в России кампании по уничтожению новейшей военной техники, что стоит за этими совершенно не объяснимыми действиями.

Западные журналисты на каждой пресс-конференции с участием Хрущева, непременно, в разной форме задавали ему один и тот же вопрос: «Чем будет защищаться Россия в случае нападения на неё врагов?». Хрущеву приходилось каждый раз многословно повествовать о ракетно-ядерном щите, прикрывающем СССР.

Поскольку ему никто не верил, так как было хорошо известно, что ракет у русских войск еще очень мало и они, эти ракеты, далеки от совершенства, то есть никакого советского ракетно-ядерного щита не существует, то вопросы сыпались вновь и вновь.

Как-то на одной из встреч Хрущева с корреспондентами, те умаяли советского лидера и он в запальчивости выдал:

– Нам не нужны ни пушки, ни танки; ни корабли, ни самолеты. У нас есть «Голубая линия»!

По взметнувшимся глазам репортеров Хрущев сразу же осознал, что он ляпнул то, о чем ляпать, особенно после чилийского землетрясения, было категорически нельзя. Но, увы, птичка вылетела!

Теперь западная пресса стала донимать Хрущева и его Министра обороны противным вопросом: «Что есть „Голубая линия“?». В ответ на этот вопрос интервьюируемые что-то лепетали, как-то изворачивались. А, что делать? Не могли же они сказать, что в случае опасности нападения на СССР со стороны какой-либо державы сработает система «Голубая линия», и земля под столицей этого агрессивного государства разверзнется, и столичный город превратится в прах. Погибнет правительство, парламент, генеральный штаб, рухнет финансовая система и тогда этой стране будет уже не до войны.

Но вскоре пресса сняла этот вопрос с повестки дня. Хрущев, обещавший показать всему миру «кузькину мать», выполнил свое обещание. 30 октября 1961 года над Новой Землей на высоте 4000 метров была взорвана крупнейшая в мире ядерная бомба. Её мощность составляла 58 млн. тонн в тротиловом эквиваленте. Это было в два раза меньше проектной мощности, поскольку специалисты поопасались взрывать все 100 млн. тонн: вдруг адская мощь взрыва проломит земную кору или изменит траекторию Земли.

Но и 58 млн. тонн было более, чем достаточно! Результаты взрыва ошеломляли! Сейсмическая волна трижды обожала Землю. На расстоянии 50 километров от эпицентра взрыва расплавилось абсолютно все (танки, пушки, трактора). Двухметровый слой льда попросту испарился; оплавилась гранитная основа острова. Ударной волной в радиусе 100 километров было снесено всё. В поселке, расположенном на рубеже 800 километров вынесло все стекла.

Западная общественность решила, что это и есть материальное проявление таинственного проекта «Голубая линия».

РОСНОЕ УТРО

Утро на Петровском заводе наступало неохотно. На верхних ярусах леса, обласканных утренним солнцем, уже во всю кипела жизнь, а внизу, под елками было и тихо, и росно, и прохладно. Это-та прохлада и прогнала сон от прикорнувшей у костра троицы.

Ополоснувшись водой из пруда и наскоро перекусив остатками вчерашней пищи, все начали готовиться в обратный путь. Танкист стал копаться в двигателе: возникла необходимость обмотать резиной потекший патрубок. А дед и подводник отправились в длинный кирпичный барак, перпендикулярно примыкавший к корпусу главного цеха. Там они вчера обнаружили крупнокалиберный пулемет, который моряк решил увезти с собой в город.

После ухода товарищей танкист не долго колдовал над двигателем. Кусок резины для обмотки патрубка оказался коротким. Нужно было искать другой кусок. Танкист спрыгнул на землю и стал прикидывать, где бы можно раздобыть приличный резиновый лоскут. Прикидывал он не долго. От этого занятия его оторвали сухие звуки выстрелов.

Резко повернувшись в сторону выстрелов, он увидел, как из дверей барака выскочил подводник, а следом за ним выкатились два человека, очень похожих на киношных диверсантов. Они произвели вслед убегавшему несколько выстрелов. Подводник рухнул на землю.

От увиденного танкист ошалело заорал. Заметив его, нападавшие, стреляя на ходу, кинулись к танку. Видать стрелки они были неплохие: пули так и защелкали по броне.

Танкист по военной привычке сноровисто бросился на землю, затем прополз под танк, через открытый нижний люк пролез внутрь машины, скользнул на водительское место и отдал тормоз.

Диверсанты остолбенели, когда на них, отрезая путь к лесу, с грохотом двинулась бронированная машина. Сначала они в растерянности заметались по двору, а затем дружно кинулись к главному цеху, чтобы скрыться в зияющем проеме ворот.

Танкист развернул танк на месте и, разогнавшись, бросил его на кирпичную опору слева от ворот, в зеве которых уже исчезли диверсанты. Раздался треск и грохот. Обветшавшее здание вздрогнуло, накренилось и стало плавно оседать, погребая под собой и печи, и вагранки, и диверсантов. На лобовую броню танка рухнула балка, и посыпались обломки здания.

Освобождаясь от обломков, танкист дал задний ход. Танк послушно выполз из-под груды хлама и остановился в центре двора. Не дожидаясь пока осядет пылевое облако, поднятое рухнувшим зданием, танкист вылез из машины и побежал к распростертому на земле телу своего товарища. Подводник был жив, но без сознания. Правое его плечо было простреляно. Руку заливала кровь, на губах пузырилась розовая пена. Когда танкист приподнял обмякшее тело товарища, он обнаружил вторую рану на его спине. Пуля, очевидно, прошла легкое. Кровь в ране хлюпала и чуть сочилась по спине. Танкист положил подводника на живот, а сам кинулся в барак. Там он сразу же наткнулся на тело старика. Дед Сергей был мертв.

Используя свою рубашку и рубашку, снятую с деда, танкист остановил кровотечение на плече товарища и крепко замотал рану тряпьем. Пулевое отверстие на спине он прикрыл широкими листьями мать-и-мачехи и стянул торс подводника тугой повязкой.

Закончив труд санитара, танкист стал устраивать своих несчастных товарищей на борту «тридцатичетверки». Павла Леонтьевича он опустил в боевое отделение, предварительно освободив пол от кирпичного мусора и устлав железо еловыми ветками. А тело деда Сергея танкист закрепил с помощью электропровода снаружи танка, вдоль левого борта. Константин Викентьевич спешил. Он хотел как можно скорее передать подводника в руки медиков.

Танк нервно лавируя между стволами деревьев, держал курс на восток, в сторону «Дороги жизни», но из-за различных лесных препятствий продвигался вперед очень медленно. Танкист вел машину, а душу его терзали сомнения: как далеко до «Дороги жизни» и найдет ли он её; проходима ли эта дорога для танка, ведь за полвека она наверняка заросла деревьями?

Широкая просека появилась очень скоро. Очевидно, лесники за «Дорогой жизни» ухаживали. Посреди неё, уже заросшей довольно высоким лесом, пролежала чистая от серьезных зарослей трасса, по которой танк мог свободно передвигаться.

Обрадовавшись, танкист увеличил скорость машины, и танк, плавно покачиваясь на оплывших пнях, устремился в сторону железной дороги.

Константин Викентьевич вел танк и мучительно корил себя за то, что он устроил возню с этим плавающим танком. Не задержись они на день, и все были бы живы и здоровы. И еще он недоумевал, откуда взялись в лесу эти два бандита, и с какой стати они открыли стрельбу.

«Ответы на эти вопросы частично даст подводник, если дотянет до врачей и выживет, – решил танкист. – Ну, а полную картину воспроизведут те, кому это положено по долгу службы».

ЗАГОВОР

Не только Барсукова, не только камарцев, но и всех простых людей, граждан бывшего СССР, изнурял вязкий вопрос: «Почему так неожиданно и мгновенно расстались коммунисты с властью, отдав её демократам без какого-либо сопротивления?» На самом же деле никакой неожиданности и мгновенности не существовало. Просто граждане не знали, что распаду социалистической системы предшествовала активная подкованная деятельность, которая началась еще во времена великого Бровеносца.

Когда Александр Иванович, собирая в лесу чернику, беседовал с Барсуковым на эту тему, то он предположил, что распаду комсистемы способствовало циничное предательство партапаратчиков. Надо отдать должное проницательности коммунмашевского пропагандиста. Он очень близко подошел к истине. Но и Барсуков был не промах, подозревая, что без КГБ в этом деле не обошлось.

Заговор твердел. Причем твердел здорово.

Рыхлый прежде конгломерат предельно настороженных, сильно озабоченных критиков существующей в стране власти, наконец, трансформировался в крепкое сообщество решительных и энергичных единомышленников. Перед ними ясно маячила высокая цель. Они осознавали задачи, которые нужно было решить для достижения этой цели, и им были известны способы преодоления предстоящих сложностей.

Конечно, можно недоуменно разводить руками и удивляться тому, что в исключительно ответственной среде очень сдержанных, осмотрительных, не склонных к откровениям людей, какими были чекисты, составилась антиправительственный заговор. И не только составилась, но и созрел невероятно быстро.

Но недоумевать и жестикулировать, право, не строит, так как для ускоренного развития мятежного процесса имелся некий мощный фактор, игравший роль катализатора.

Сначала-то это был вовсе и не катализатор, а, так, смутный, неприятный намек, далекое видение вообще-то возможной, но нелепой и неправдоподобной катастрофы. Однако со временем тревожный фантом приобретал все более реальные, осязаемые черты, неуклонно материализуясь в мрачно надвигающийся катаклизм, кошмарной сутью которого являлся крах «могучего и нерушимого» Союза Советских Социалистических Республик.

Вот это-то апокалиптическое видение и всплывало, отчетливей, чем у кого-либо, в сознании кэзгбэшников, вот оно-то и действовало, как катализатор. И не мудрено, что именно офицеры КГБ буквально всей своей кожей ощущали надвигающееся бедствие. Ведь они были наиболее осведомленными гражданами и, в отличие от основной массы советского народа, достоверно знали о бедственном состоянии советской экономики, о трудно преодолимой отсталости промышленности и сельского хозяйства, о слабой дееспособности политической системы.

Признавая широкую осведомленность КГБ о положении в стране, нужно отметить, что и народ был не совсем слеп. Когда с разрешения Хрущева на прилавках магазинов стали во все большем количестве появляться зарубежные товары, то люди сразу же оценили их высо-

кое качество. Импортная одежда, обувь, мебель, бытовая техника, радиоэлектроника были настолько лучше отечественных аналогов, что народ стал буквально охотиться за иностранным ширпотребом. А свою реакцию на низкое качество отечественной продукции оформил в виде анекдота:

– Вопрос: «Что жужжит, не летает и в цель не попадает?»

Ответ: «Советский бесшумный летающий аппарат для точного попадания в цель.».

Перманентно не богатые прилавки продовольственных магазинов уже к 80-ым годам стали пугающе пустыми. Кроме Прибалтики, которую власти всячески умасливали, мясо, мясные консервы, колбасы, копчености, сыры практически исчезли из свободной продажи на всей территории Союза. Их можно было купить лишь в Москве, в Ленинграде и в столицах союзных республик, куда и устремлялись алчущие мясных деликатесов людские массы. Ехали на личном транспорте, на автобусах, выделяемых профсоюзами, на поездах.

В Союзе при наличии какой-либо безысходности народ терпеливо ждал улучшения. Когда же этого не происходило, он выдавал анекдот. Вот и в данном случае получила широкое хождение анекдотическая загадка про длинное, зеленое, пахнущее колбасой.

Людам уже надоело плевать на экраны телевизоров при виде грузного Генсека, на грудь которого навешивался очередной орден. Правда, плевались не все. Те, кому положено, не плевались, а подсчитывали награды, которыми был удостоен тов. Брежнев. Когда они все посчитали, то сначала удивились, а потом занесли его имя в «Книгу рекордов Гиннеса», потому, что имел Генсек неимоверное количество орденов и медалей, а если конкретно, то 136 полновесных экземпляров. Среди них только орденов Ленина насчитывалось 8 штук.

Народ по привычке и уже не закрывал глаза, чтобы не видеть как мучается дорогой Леонид Ильич, вычитывая по бумажке имя отчество своего соратника, которого он публично поздравлял с каким-то юбилеем. Народ, как и в любой безысходности, реагировал на государственный маразм анекдотом:

– Брежнев на заседании Политбюро: «Идея!». К нему бросаются с блокнотами, чтобы записывать. Он удивленно на всех смотрит и продолжает: «Я спрашиваю, иде я нахожусь?».

Советские люди не возмущались, не бастовали, не бунтовали (ну разве что разок в Новочеркасске). Под влиянием сладкозвучной прессы они надеялись и ждали, что неудобства скоро кончатся, что вот-вот наступят золотые дни, когда и джинсов и колбасы будет в достатке. Тем более, что в Программе КПСС (принята на XXII съезде КПСС в 1961г.) четко утверждалось:

«...В итоге второго десятилетия (1971—1980г.г.) будет создана материально-техническая база коммунизма, обеспечивающая изобилие материальных и культурных благ для всего населения...»

Программа обещала к 1980 году «обеспечить в Советском Союзе самый высокий жизненный уровень, по сравнению с любой капиталистической страной.».

Заканчивалась Программа феерически:

«ПАРТИЯ ТОРЖЕСТВЕННО ПРОВОЗГЛАШАЕТ: НЫНЕШНЕЕ ПОКОЛЕНИЕ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ БУДЕТ ЖИТЬ ПРИ КОММУНИЗМЕ!»

Отличие заговорщиков от основной массы трудящихся как раз и заключалось в том, что кэгэбэшники четко знали: никаких золотых дней и никакого коммунизма не будет, что СССР неуклонно скатывается в фазу упадка и впереди страну ждет жесткий экономический и политический кризис.

Они знали, что из-за устаревшего станочного парка, из-за архаичных технологий производительность труда в отечественной промышленности в 2,5—3,0 раза ниже, чем на Западе, что наша промышленная продукция не может конкурировать с аналогичной продукцией выпускаемой в развитых капиталистических странах, так как при низком качестве изготовления она имеет повышенную материалоемкость и энергоемкость, недостаточную надежность и убогий дизайн.

Они знали, что заготовки зерна и мяса снижаются, что с 60-х годов Россия, прежде традиционно продававшая зерно за границу, стала его закупать, что эти закупки год от года увеличивались и достигли кризисной цифры 45 млн. тонн, что на импорт продовольствия тратится в целом 15 млрд. дол. в год (36% от валютных поступлений) Им было известно, что производительность труда в сельском хозяйстве в 5 раз ниже, чем на Западе.

Они знали, что 97% валютных поступлений обеспечивается за счет продажи сырья, в основном нефти и газа, что при падении цен на нефть государству будет не на что покупать зерно и страну ждет тотальный голод.

Конечно, наступление кризиса и немедленная катастрофа не несли печати неизбежности, фатальности. Для выхода из застоя, для недопущения ни хаоса, ни распада нужны были всего лишь решительные изменения во внешней политике, нужна была капитальная модернизация экономики, а прежде всего требовалось усовершенствование политической системы.

Руководство же страны ничего изменять не желало, оно тупо не хотело воспринимать что-либо новое. На верхах не рассматривались не только долгосрочные проекты, но и текущие-то вопросы предпочитали оставлять на потом.

Да и то сказать, ожидать творческой работы от политических бронтозавров, струдившихся в Политбюро, было наивно. Прежде всего, из-за дряхлости его членов. К XXV съезду КПСС (1981 г.) средний возраст членов Политбюро составлял 71,2 года, а такие мамонты как Пельше и Суслов разменяли уже девятый десяток.

Эта старческая компания пожизненных членов не только не желала ничего нового, но и не терпела никого нового, а тем более, молодого, творческого в своей среде. Убывавшие естественным образом соратники замещались такими же замшелыми, но надежными в смысле лояльности по отношению к руководству, ветеранами-аппаратчиками.

Чтобы руководить этим сонмом несменяемых нужно было обладать большой смелостью и даже геройством, чего и имел в избытке семидесятипятилетний

Четырежды Герой Советского Союза,
Трижды Герой Народной Республики Болгария,

Трижды Герой Германской Демократической Республики,
Трижды Герой ЧССР
Герой Монгольской Народной Республики,
Герой Республики Куба
Генеральный секретарь ЦК ЦПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Леонид Ильич Брежнев.

Заговорщики ясно понимали, что без устранения политического абсурда, без смены власти, без изменения экономической политики никакого улучшения жизни в стране не будет. Радикальный способ изменить положение – это провести в жизнь силовой вариант: арестовать или устранить руководство страны, партии и армии, ввести в столицу и крупные города внутренние войска, взять под контроль жизненно важные объекты.

Но от такого способа отказались сразу же. Во-первых, неизбежна кровь, во-вторых, налицо вопиющая нелегитимность. Помимо того, конечный результат имел неопределенный вид, поскольку силовой переворот, может не поддержать прикормленная и политизированная армия.

Да и народ, советский народ сбрасывать с игрового поля было еще преждевременно. Правда, аналитики уверяли, что трудящиеся, в силу своей инертности, защищать власть не будут и на баррикады не пойдут. Инертность же масс проистекала, якобы, из следующего:

– народу во всех жизненных срезях до чертиков надоела парт-государственная рутина и беспросветный продовольственный и промтоварный дефицит,

– в стране еще действует гулаговская прививка страха,

– гражданская позиция людей сильно размыта алкоголем.

В подтверждении последнего утверждения аналитики, кроме всего прочего, приводили следующую таблицу потребления спиртных напитков в СССР, в сопоставимых ценах:

1940 – 1,01 л. год
1950 – 1,5 л. год
1960 – 2, 04 л. год
1970 – 4, 40 л. год
1980 – 7, 80 л. год

И, тем не менее, народ – это сила, и поведение его, несмотря на выкладки аналитиков, предсказать довольно трудно. Поэтому вместо прямого силового хода был принят другой более аккуратный, но и более длительный путь.

Мозговой центр заговорщиков разработал довольно детальный, многоступенчатый план ликвидации партийной монополии на власть, первым и обязательным шагом которого было введение в Политбюро (в результате сложной интриги) человека, разделявшего взгляды и цели заговорщиков.

МАШКА

Ну, что тут будешь делать? Стыдоба, конечно, но ветеран-коммунальник вновь озаботился половым вопросом! К этому вынудила Александра Ивановича настоятельная просьба Анны Матвеевны. Пожилая женщина была встревожена той бурностью, с какой происходил процесс созревания её внучки. Действительно, Машку распирало, как на дрожжах.

– Александр Иванович, загляните в Интернет, поищите, чем можно Машку охладить, – уговаривала приятеля Анна Матвеевна.

– Я ж не врач. Обращайтесь к сексологам, – отнекивался Александр Иванович.

– Я обращалась. Сказали: естественный процесс.

«Действительно, – подумал Александр Иванович, – естественный процесс. Куда денешься?».

Раньше в этом случае говорили, что, мол, кровь играет. Теперь-то многие знают: кровь здесь не при чем. В справочниках с ходу можно усечь, что виноваты во всем надпочечники и половые железы. Это они при достижении девочкой тринадцатилетнего возраста начинают вырабатывать тестостерон – гормон полового влечения, который и ударяет в девичью голову, а так же бьет по всем нервным окончаниям. Он бомбит нежные нервы на протяжении всей дамской зрелой жизни, но особенно остро – в юном возрасте. Под действием этого гормона женщину начинает неудержимо тянуть к мужчине. Но каждую фемину тянет по разному потому, что организмы у представительниц прекрасного пола разные, а значит и активность надпочечников различная. Если поток тестостерона не очень сильный, то у женщины остаются возможности и на другие (помимо любви) увлечения. При сильном же извержении надпочечников внимание трепетной нимфы занимают только мужчины, все остальное отходит на далекий задний план.

Эти сведения Александр Иванович почерпнул, шустря в поисковиках на тестостероновую тему. Но он засомневался относительно последнего утверждения: «Все это не так однозначно. К слову, уж как изнемогала от желаний Екатерина Алексеевна, однако, разрешая свои женские заморочки, не забывала она и о государственных проблемах. Да еще как не забывала-то. Она свершила то, что было не под силу её предшественникам-мужчинам, а именно, привела к нулю извечных врагов России, властно присоединив Крым, Польшу, Литву к своей империи. Великая женщина! Блистательное исключение! Выходит – тестостерон не всемогущ».

А еще Александр Иванович вычитал, что давит на женскую психику не только тестостерон. Например, такая бяка как эстрадиол побуждает даму к изменам. Оказывается избыток этого полового гормона вызывает у прелестной сударыни чувство половой неудовлетворенности. Ей уже мало одного партнера, она активно стремится к серьезным романам «на стороне».

Зря шипели камарские дамы на Александра Ивановича, когда он на одном из застолий публично предположил, что у большинства представительниц прекрасного пола деятельность желез внутренней секреции превалирует над умственной деятельностью. Шипи не шипи, а такое превалирование есть научный факт, в силу которого женщина, помимо своей воли, совершает подчас странные, предосудительные поступки. Тогда она похожа на марионетку,

управляемую коварным кукловодом, роль которого по совокупности исполняют секреты яичников и надпочечников

Да, очень активны половые гормоны. Они не только бьют по нервным окончаниям, но и влияют на отдельные участки тела. Так при их избытке у мужчин (как установили братанские ученые) увеличиваются размеры носа, а у женщин растет подбородок.

У Машки тестостерон бил ключом. Она училась кое-как. В драматической студии, куда её почти силой затащила Соня, девушка фактически не интересовалась ни творчеством великих драматургов, ни системой Станиславского. И школу, и студию она посещала лишь потому, что там можно было встречаться с классными мальчиками.

Когда Машка разговаривала на улице со знакомым парнем, то она не стояла просто так. Не-е-е-т, она была вся в движении, она исполняла некий магический танец. Все части тела её колебались, плавно изгибались, ноги исполняли мелкие ритмические па так, что всем было видно: девушка стремиться.

Родителей беспокоило будущее Машки, но больше всех беспокоилась по этому поводу её бабушка. Движимая именно этим беспокойством и посетила Анна Матвеевна авторитетного Александра Ивановича. После обсуждения вопроса о слишком бурном развитии внучки повела Анна Матвеевна разговор о её будущности.

В самом начале этого разговора она обозначила все акценты:

– Машка учится плохо. Особенно ей не дается математика а также физика, химия. Литературу она не любит. Ни в один приличный институт ей не поступить, а если и поступит за деньги, то учиться не сможет: мозги не те. Да и с парней глаз не сводит. Вот я и думаю, а не отдать ли её в какой-нибудь театральный институт. Там ума не надо и с интегралами да со вторыми производными дело иметь не придется. А кривляться она умеет. Она очень смешно передразнивает своих учителей.

– Анна Матвеевна, а откуда вам известно о вторых производных?

– Подумаешь невидаль. Это всего лишь производная от производной. Когда Дмитрий в Корабелке учился я ему помогала в математике разбираться. Он с ней плохо дружил. А нам в институте её капитально давали.

– Понятно. Теперь, что касается театральной карьеры. Дело вот какое. Я не могу припомнить ни одного случая, чтобы девушка из благородной семьи пошла в актеры.

Гостя немного подумала, а затем неуверенно прознесла:

– А Любовь Орлова?

– Вы, наверное поверили в рассказы об её графском происхождении. Однако, отец Орловой был простой акцизный чиновник.

– Тогда великая Тарасова. Она выросла в приличной семье Я знаю. Папа – профессор, мама – потомственная дворянка.

– Тарасова – это особый случай.

– Ладно. Допустим, что благородные чурались сцены. А почему?

– Да потому, что люди сцены – это амбициозная среда, подверженная зависти, склокам, интригам; потому, что актеры – это легковесные, несерьезные люди; потому, что актерская деятельность – это попугайский, мелкого пошиба труд.

– Ох, как вы их разделили. А артисты, между прочим, – творческая интеллигенция.

– Это ляпсус! Какие они творцы? Они всего лишь одушевленные инструменты, которые озвучивают чужие слова, мысли, мелодии Своего-то у них ничего нет. Настоящая творческая интеллигенция – это художники, поэты, композиторы, скульпторы, писатели, архитекторы, музыканты.

– И музыканты?

– Дв, и музыканты.

– Так музыканты тоже артисты, чего вы их-то в творцы зачислили?

– Артисты, но не актеры. Если мне дадут текст роли Гамлета, я его выучу и Гамлета сыграю. Конечно, пригадка и совершенно не сравнимо со Смоктуновским, но сыграю. А если мне дадут ноты «Апассионаты» и посадят за самый лучший рояль, я не сыграю ничего. Потому что в этом случае нужны знания, навыки, опыт, что и является основой творчества.

– Как всегда, Александр Иванович, вы мыслите неадекватно.

– Неадекватно чему?

– Общему мнению.

– Ну, общее мнение – это такая расплывчатая категория, что лучше иметь свое. А Машку, учитывая то, что вы о ней рассказали, лучше всего пустить по спортивной части. Она у вас, кажется, бегают?.

– Да. Она занималась в легкоатлетической секции, но не долго. Только как её заставишь бегать. Она стала такая самостоятельная.

Поговорили еще немножко и Анна Матвеевна отправилась домой А Александр Иванович подумал о том, что сложности с Машкой не главная для Крюковых забота. Главная проблема, которую они тщательно скрывали от окружающих, заключалась в другом.

Когда нынешней весной Александр Иванович помогал Крюковым разгружать машину, он в череде баночек и ванночек с рассадой огурцов, сельдерея, петрушки, лука порея заметил две картонные коробки со странными всходами. Внимательно рассмотрев их, старый коммунальщик понял, что кто-то из Крюковых собирается разводить на своем участке индийскую коноплю. Вскоре по поведению Антона стало заметно, что парень плотно припал к травке.

А просьбу Анны Матвеевны относительно отыскания рецептов по охлаждению Машкиного темперамента Александр Иванович выполнил. Пошарив в поисковиках он выяснил, что обузданию плоти помогают следующие меры: отказ от калорийной пищи и острых блюд, исключение из употребления сладостей, специй, алкоголя, интенсивные занятия спортом.

Анну Матвеевну эти меры не удовлетворили:

– Машка ленивая. Она бросила бегать, прыгать и больше заниматься спортом не хочет. А от сладкого её не оторвешь. А чего-нибудь более эффективного вы не нашли?

– Ну, разве что стерилизация.

– Да, уж!

ЛЕЛЕЙТЕ ЖЕНЩИН

К Александру Ивановичу зашел его бывший сослуживец-авиатор. Он жил в Кургане и приехал в Петербург по делам фирмы. В процессе застольной беседы всплыла, как всегда, женская тема. Гость посетовал на то, что в Питере, по его наблюдениям, стало заметно меньше красивых женщин.

– С чего это ты взял? – не согласился Александр Иванович.

– Раньше бывало спускаешься в метро на эскалаторе, а навстречу плывут женщины одна красивее другой. Так бы и назначил свидание любой из них. А теперь не то. Едут сплошь вульгарные женские лица.

– Ты не прав. Красивых женщин в Петербурге не уменьшилось. Просто красавицы игнорируют метро, Они пересели на иномарки.

– Да, ну!

– Точно. Теперь это доступно для многих. Современные женщины инициативны, раскованны. Не то что при коммунистах. В советское-то время перед девушкой открывались в основном две дороги: либо, окончив вуз, получать свои стабильные 105—115 рублей и жить от зарплаты до зарплаты, либо, отучившись в ПТУ получать, примерно, столько же и также жить от зарплаты до зарплаты.

– Либо удачно выйти замуж, – вставил слово гость.

– За кого? За такого же инженера, врача, учителя, как она сама? – парировал Александр Иванович. – Нет, при Советах выигрышных вариантов для женщины было немного. Совсем немного. Новый же строй открыл перед молодыми и красивыми девушками невиданные ранее возможности. Девушка теперь легко может стать яркой моделью, звездой, модной журналисткой, дорогой гёрлой по вызову, успешным менеджером, предпринимателем, высокооплачиваемым офисным или банковским работником, а также помощником, подругой, женой очень состоятельного мужчины и т. п.

– Я думаю, что кажущаяся легкость приобщения к красивой жизни, развращает нынешних девушек. Многие из них считают, что не нужно учиться, не нужно трудиться. Достаточно лишь грамотно эксплуатировать свои прелести

– Ты где-то прав. У меня есть знакомая девушка Машка. Родители хотят чтобы она, как было принято в советское время, поступила в институт, а уж потом, получив специальность, имела бы разные удовольствия на заработанные деньги. Машка с этим не согласна. Удовольствий она хочет сейчас. Это другая крайность. Ни образования, ни воспитания, ни голубых кровей, а дай все.

Курганец уточнил:

– Это не просто крайность, это несчастье. Девушки подобного сорта часто обжигают свои крылышки, стремясь к заманчивому огоньку счастья. Не случайно в демократической России алкоголиков, наркоманов, психичек стало намного больше, чем их было в Союзе.

– Это верно. Я тебе скажу еще кое-что. Доля женщин отбывающих наказание в местах лишения свободы составляет 5,4% от общего числа заключенных. В СССР данный показатель равнялся 1,1%. Но, что интересно. Хотя тюрьма – это не женское дело, и проституция – не лучшее занятие для дам, современное устройство общества большинству молодых женщин нравится. И никакая социальная справедливость им не нужна. В пресный социализм их палкой не загонишь.

– Почему ты так думаешь? – засомневался гость. – Эти молоденькие девушки и не знают, что такое социализм. Они в социализме-то и не жили.

– А воспоминания старших?

– Старшие вспоминают разное.

– А искусство, литература того времени?

– Высоким искусством и серьезной литературой современные девушки не очень-то интересуются. Кроме того, искусство того времени – это, как правило, сладко отравленный источник, истины из него не изопьёшь. – возразил гость. – Шедевры, сработанные методом социалистического реализма, бессовестно приукрашивали, лакировали жизнь.

– Это да, – согласился хозяин. – Но среди них часто из под лака проглядывала и проза жизни, показывающая, например, советскую

60

Метростроевка

женщину в натуральном, неприглядном виде. Все эти открытые стихиям, молодые трактористки, мускулистые метростроевки с отбойными молотками, девушки-геологи в обшарпанных спецовках с тяжеленными рюкзаками за плечами, несмотря на положенные по канонам соцреализма улыбки, цветы, жизнерадостные расцветки, не вызывали, даже в советское время, ни восхищения, ни умиления, но по недосмотру, иногда попадали даже в музеи. Одно из таких полотен экспонируется у нас в Курганской картинной галерее. Оно называется одним, но емким словом «Асфальтоукладчицы» и выполнено в жесткой реалистичной манере.

– И что же на нём изображено?

– Там на фоне бело-серого ландшафта тянется черная, дымящаяся полоса горячего асфальта, над которой крупно, во всю картину нависли три неуклюжие, объемные фигуры в жестких брезентовых робах. По белым платочкам, накинутым на головы фигур, можно догадаться, что это женщины.

В руки каждой женщины вложено тяжелое орудие труда: длинный железный стержень со скребком на конце. Этими скребками они укладывают и разравнивают асфальт. От жара, удушливого запаха, мускульного перенапряжения лицо каждой асфальтоукладчицы превратилось в багровое пятно, на котором вместо глаз – две черточки, вместо рта – узкая, как разрез, щель.

Это в какой еще другой стране могли бы так издеваться над женщинами? Да не в какой! Даже в самой нецивилизованной!

– Действительно, срамотища. Ты знаешь, я много думал на эту тему.

– И что же ты надумал?

– А надумал следующее: женщине не нужны равные права с мужчиной, женщине нужна защита, забота, внимание мужчины. Когда женщины будут ухожены, обласканы, наряжены, когда они будут иметь много свободного времени, то от одного этого общество станет лучше, добрее, цивилизованнее.

– Что-то ты, Саня, слишком преувеличиваешь роль женщины.

– Ннчуть! Согласись, что в семье асфальтоукладчицы никогда не вырастит ни вторая Ахматова, ни вторая Уланова, ни вторая Вишневская.

– Так-то оно так, но...

– Я думаю, что подошло время не пичкать девушек тангенсами, котангенсами. Пичкай, не пичкай, а они все равно в ученые люди не выходят. Па мне, так лучше пооткрывать для них что-то вроде институтов благородных девиц. Пусть облагораживаются. Пусть приобщаются к поэзии, музыке, танцам, живописи. Пусть изучают гуманитарные дисциплины, биологию.

Ветераны-авиаторы посидели молча минуту, другую, а затем Александр Иванович изрек:

– Что-то я в последнее время часто впадаю в менторский тон: советую, учу, наставляю. От старости, наверное.

– Наплюй ты, Саня, на все это резонерство. Давай лучше выпьем за нашу славную стратегическую авиацию.

– Которую дурные демократы чуть было совсем не угробили.

– Это точно. Спасибо коммунистам: успели наклепать «белых лебедей». Новые-то хозяичики за столько лет ни одного стратегического бомбардировщика не создали.

– Да и не только бомбардировщика. Я смотрел статистику. В советское время 15 авиа-заводов выпускали примерно 1500 воздушных судов ежегодно. Сейчас три уцелевших завода вымучивают 8—10 самолетов в год. Новым хозяевам для уничтожения могучего авиапрома хватило десяти лет.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Нельзя дать всем все, ибо
всех много, а всего мало
МАХИМ

16

Серьёзный подарок

МАРШ ХЕТАГУРОВОК

Луничев, не спеша, с задумчивым видом прошел в угол комнаты к небольшой, довоенных лет, тумбочке, осторожно приподнял стоявший на ней гипсовый бюст Сталина и мягко отставил его в сторону. Под скульптурой открылся хрустальный графин. Он был наполнен коньяком.

Жизнь Луничева стабилизировалась. К нему вернулась жена, которая в период его душевных нескладух ушла от него к своей маме. Нормализовалось и его здоровье, да так, что он снова стал употреблять спиртное. Поскольку жена была законченной противницей крепких напитков, то он вынужден был проявлять изворотливость и укрывать горячительные жидкости в несколько неожиданных местах: то в сливном бачке, а то вот под сенью вождя. Нацедив пол стакана пахучей жидкости (отечественные коньяки совсем испоганились, а на французские денег не хватало), он заткнул графин пробкой, поставил его на прежнее место и вновь накрыл изваянием великого учителя.

Прежде, во времена, последовавшие после разоблачения «культа личности Сталина», супруга Луничева сварливо настаивала на том, чтобы он убрал «эту гипсовую штукуну». Однако Луничев уперся и решительно пресек эти легковесные поползновения. Бюст остался на своем месте, в пику и жены, и тем гражданам, которые мобильно очистили все жилые и служебные помещения от изображений гения всех времен и народов. Бюст остался на своем месте, хотя с ним и были связаны не совсем приятные воспоминания.

Среди сокурсников, слушателей Военной академии, старший лейтенант Луничев авторитетом не пользовался. Какой там авторитет, если при его простецкой физиономии и двусмысленной кличке Луня, он имел еще и незавидную славу стукача, которую приобрел из-за однажды свершенного им сексотского поступка. Доносчиком он стал не потому, что был скотиной или карьеристом, или фискалом по натуре, а только лишь в силу своего природного идеализма, ростки которого густо проклюнулись в его душе еще в раннем детстве.

Папа Луничева, рабочий завода «Серп и Молот», был партийцем. Он учился в вечерней партшколе при райкоме ВКП (б), выписывал газету «Правда» и держал в тумбочке, на которой теперь стоял бюст Салина, небольшую стопку книжек. Эти книжки были неинтересные, без картинок и, наверное, не совсем правильные потому, что как-то вечером папа отобрал несколько книг, завернул их в газету и потихоньку вынес на помойку. Из родительских разговоров маленький Луничев понял, что дядя Пятаков и дядя Рыков, которые и написали эти книжки, были плохими дядями.

Утром, уходя на работу, родители оставляли своего сыночка дома. За ним присматривала соседка, бабушка Фрося. Наигравшись в кубики, повозившись с заводным танком и постукав в мячик, ребенок в поисках развлечений, начинал озорничать. Он, например, забирался на стул и принимался за граммофон, который стоял на столе. Завести пружину музыкального агрегата малыш не мог, но он все равно ставил на диск свою любимую пластинку про Дальний Восток, опускал иглу и начинал указательным пальцем вращать диск граммофона. Звуки при этом рождались кошмарные. Жестяная, голубая труба то завывала, то взвизгивала, то гудела, но юный озорник все же получал удовольствие, умудряясь улавливать в этой несусветной какофонии жизнерадостно-маршевую мелодию. Мальчик знал, что эта музыка называется «Марш хетагуровок», а вот, что такое «хетагуровка», он точно не ведал, но считал её какой-то машиной, типа трамбовки или камнедробилки, что днями гремела у них под окном.

Маленький Луничев обожал слушать маршевые мелодии, революционные гимны, а также боевые песни советских композиторов, которые часто передавались по радио в вечерних концертах, стандартно начинавшихся песней или кантатой о Сталине. Он почти все транслировавшиеся по радио песни знал наизусть и постоянно их громко распевал к удовольствию своих родителей, которых эти песни очень веселили.

Веселье проистекало из-за милого искажения текстов, которое допускал их сын. Несовершенство в передаче звука черной тарелкой, снабженной самоуверенной надписью «РЕКОРД», и скромный запас слов, которым располагало дитё, приводили к тому, что оно на всю квартиру орало:

– Мы покоряем пространство еврея...
(Мы покоряем пространство и время...)

– Пионеру Хаврухе весело и дружно...
(Шли они рука в руке весело и дружно...)

– Дальний станок баламута...
(Даль из тонов перламутра...)

Утолив свои меломанские потребности, малыш оставлял граммофон в покое и шел на кухню, чтобы терпеливо ждать прихода почтальона, который, вместе с почтой для жильцов коммунальной квартиры, обязательно доставит очередной номер «Правды».

Свежая газета немедленно уносилась мальчиком в комнату и расстилалась на полу. Сначала рассматривались интересные картинки с красноармейцами и пушками, портреты улыбающихся вождей, фотографии колхозников на тракторах; затем по складам читались заголовки и делались попытки прочитать текст какой-либо статьи.

Когда маленький Луничев научился бегло читать, то «Правда» (вместе с радио) стала его настоящим воспитателем. Под влиянием таких воспитателей, а также при постоянном требовании родителей быть честным и правдивым, мальчик вырос откровенным, безоговорочно верившим в справедливость и благородство. Вскоре двор и школа пообтерли ему бока, и он усвоил, что честным и благородным нужно быть не всегда и не совсем, но отдельные штрихи идеализма у него все-таки остались.

В пятом классе он вместе со своим другом стал самостоятельно изучать «Краткий курс истории ВКП (б)». Друзья, вчитавшись в его главы, поняли, что революцию делать не сложно: нужно лишь захватить почту, телеграф, вокзалы и банки. Они удивлялись почему пролетарии в страшном капиталистическом мире безмерно страдают, а революцию не делают. Очевидно, трудящиеся не знают как её делать. Очевидно им нужно помочь, ознакомить их с «Кратким курсом». Сознательный пионерский дуэт решил пробраться в какую-либо капстрану и обучить тамошних рабочих революционной технологии. Страна для миссионерской деятельности определилась сама собой. Дети не знали иностранных языков. Чтобы обзавестись обучающей языку литературой они отправились на барахолку, где по случаю купили русско-финский словарь, который и начали осваивать прямо с буквы А. К счастью для пацанов финские слова оказались трудными для запоминания, и они, затратив впустую много времени на зубрежку, решили все-

таки воздержаться от нелегального перехода советско-финской границы. Они решили изучать другой, более легкий язык. А потом политизированные пятиклассники повзрослели.

В те времена Лёшка считал, что, чем выше государственный пост, тем умнее и честнее человек, занимающий его. Товарищ Сталин самый умный. Значит его место на самом верху, чтобы мудро управлять всей страной. А папка не такой умный, даже совсем не такой, поэтому он всего лишь бригадир заводских такелажников.

От этого заблуждения Луничев будет освобождаться медленно и с трудом, пока не осознает, что для продвижения почти любого чиновника вверх по служебной лестнице важны не ум, порядочность, образованность, а в большей степени такие качества, как подбострастие, наглость, и, самое главное, беспринципность.

Последнее свойство, по мнению Луничева, стало особо обнаженным в период кризиса социализма, когда свора высокопоставленных государственных и партийных чиновников, до этого рьяно демонстрировавших свою преданность делу построения коммунизма, дружно, не колеблясь, отсеклась от своих убеждений. Мало того, все эти парт и госпройдохи ради того, чтобы усидеть на доходных местах, беспринципно и мгновенно перерядились в истых христиан (или мусульман) и пламенных демократов (или либералов).

И усидели! И стали эффективно грабить (приватизировать, присваивать, захватывать) народное добро. А вместе с ними стали эффективно грабить народное добро и разнокалиберные демократы, бесконечно огорчая этим даже такого вольного демократа, каким был Александр Исаевич Солженицын. По его словам, он думал, что «демократы, захватив власть, станут воплощать в жизнь светлые демократические идеалы, а они начали хапать». Здесь следует отметить, что Солженицын просто не учел одной особенности: народ уже был хорошо подготовлен к воровству опираясь на постулат: «Все вокруг колхозное – все вокруг моё». В городах с заводов, фабрик, складов тащили все, что можно унести. В восьмидесятые годы для обозначения сути подобного явления появился в русском языке даже новый глагол, как несовершенного вида – коммуниздить, так и совершенного – скоммуниздить.

Когда пошла полоса либерализма, люди с удовольствием стали капитализдить. Это то же самое, что и коммуниздить, но в более крупных размерах.

Луничев, конечно, и раньше осознавал, что в партийных рядах полно прилипал, случайных людей. Да и бытовавшее в советские времена понятие «настоящий коммунист» явно подразумевало наличие ненастоящих коммунистов, формальных членов партии. Вот только количество этих ненастоящих было не известно. Ясность в данном вопросе наступила тогда, когда партии прищемили хвост. Лицемеров, притворщиков в партии оказалось большинство. Они валом повалили из «боевого авангарда советского народа». Некоторые из партийных дезертиров, сваливая, публично сжигали свои партийные билеты перед телевизионными камерами. Такие жанровые картинки безмерно шокировали Луничева, но окончательно душа этого ортодокса-коммуниста была поправа действиями первосвященников КПСС, которые не только сложили с себя свои высокие звания, не только отреклись от марксистско-ленинского учения, но стали еще и охаивать как коммунистическую теорию, так и партийную практику.

Луничев в полной растерянности вопрошал сам себя:

«Как эти приспособленцы смогли пробиться на партийные верхи?! Почему партия не смогла поставить им заслон?!»

ПОЧЕМУ, ПОЧЕМУ?

«А, потому!» – раздраженно ответил сам себе Луничев и стал напрягать извилины, а еще начал листать справочники, энциклопедии, мемуары бывших государственных деятелей. В результате длительных умственных потуг нарисовалась следующая картинка:

В 1921 году в одной из своих работ товарищ Сталин сравнил Компартию России с орденом меченосцев. Сравнил, разумеется, не по внешним признакам, не по форме, а по содержанию. Действительно, Компартия, как и рыцарский орден, имела жесткую иерархическую структуру и крепкую дисциплину. Если воины Христа распространяли истинную веру среди язычников с помощью копий, то и коммунисты не брезгали штыком для утверждения марксистских идей на отсталых российских окраинах. Большевики, как и братья меча, обладали такими доблестями, как мужество, верность идее, чувство чести, – а еще такими качествами, как самоотверженность, жертвенность. Вступавшие в РСДРП – РКП (б) знали, что членство в партии не обещает им никаких благ, зато реально сулит ссылку, тюрьму, каторгу, а то и смерть. И это их не страшило. Они были готовы отдать всё ради рабочего дела. Это про них:

«Смело мы в бой пойдем за власть советов
И как один умрем в борьбе за это».

И шли! И умирали!

Не удивительно, что этот боевой «большевистский орден», численность которого не превышала 300 тыс. человек, смог взять власть в стране, сплотить разваленное либералами Российское государство в единый Союз и разгромить всех врагов. После свершения этих подвигов Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков) утвердилась в СССР как всевластная партия, а, утвердившись, допустила две роковые ошибки:

1) предоставила своим членам ряд привилегий, прежде всего преимущественное (по сравнению с беспартийными) продвижение по службе,

2) развернула работу по непомерному увеличению численности своих рядов.

И поперли в партию карьеристы. Как в плохом, так и в хорошем смысле этого слова. Да и как было не переть, если беспартийному командиру в армии не было ходу выше комбата, а гражданский управленец, не член ВКП (б) не мог подняться по служебной лестнице выше районного уровня. И такое положение было в промышленности, на транспорте, в сельском хозяйстве и, даже, в науке и культуре.

Партия стала быстро разбухать. К 1952 году её численность по сравнению с двадцатыми годами увеличилась в двадцать раз и превысила 6 миллионов членов. Разумеется, качество партийных рядов резко снизилось.

Товарищ Сталин дал этой разбухшей партии нелестную оценку. Он отметил (по свидетельству Ю.А.Жданова), что «...она превратилась в хор псаломщиков, в отряд аллилуйщиков...»

А КПСС продолжала увеличиваться: 1959г. – 8 млн. чел., 1973г. – 14,8 млн. чел., 1981г. – 17, 5 млн. чел., 1986г. – 19 млн. чел.

19 000 000 членов партии – это пик и, наверное, – это критическая масса, по достижении которой КПСС стала распадаться.

Рассуждая подобным образом, Луничев конструировал лишь объективную составляющую разложения. Он еще не знал, что кроме объективной существовала и субъективная составляющая.

Помимо разбухания КПСС, её деградация предопределилась еще и тем, что к руководству партией пришли, используя инертность партийной массы, люди с двойным дном. И их было не единицы.

В 1999 году бывший всесоюзный коммунистический поп – Первый секретарь ЦК КПСС по вопросам идеологии, член Политбюро, Яковлев А. Н. в своей статье «Большевизм – социальная болезнь XX века» стал публично оголяться:

«Давным-давно, более 40 лет назад я понял, что марксизм-ленинизм это не наука, а публицистика...

Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработали следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и «нравственным социализмом» – по революционаризму вообще. Нам это удалось!»

В свое время Главный чекист страны доложил Горбачеву о том, что Яковлев – американский шпион. По данным КГБ он был завербован агентами ЦРУ в период его стажировки в США. Горбачев не дал этому делу ход.

Хреновым чекистом был Главный чекист страны. Нашел к кому обращаться! К Горбачеву, к человеку, который возглавлял в Политбюро группу политических диверсантов.

Вот его собственное признание сделанное в 1999 году на семинаре в турецком Университете:

«...Целью всей моей жизни было уничтожение коммунизма, невыносимой диктатуры над людьми... Именно для достижения этой цели я использовал свое положение в партии и стране... Мне удалось найти сподвижников в реализации этих целей. Среди них особое место занимают А.Н.Яковлев и Э. Г. Шеварнадзе, заслуги которых у нашем общем деле просто неоценимы».

Ишь ведь какая подлая полит-кухня! А в это время народ в праздничных колоннах кричал: «УРА-А-А!!!». А в это время чекисты-заговорщики с удовлетворением потирали руки: процесс департизации страны не просто пошел, а помчался вскачь.

ВЕЛИКИЙ БЮСТ

Это хорошо, что Луничев в конце концов прозрел и освободился от идеалистических взглядов на жизнь, но в послевоенные-то годы он еще страдал приступами идеализма. И один такой приступ случился с ним в кабинете замполита Академии, куда он был вызван для беседы. Почему-то в кабинете, кроме замполита, находился особист. Это очень не понравилось Луничеву.

После банальных вопросов о здоровье, о семье, об учебе вылутился вопрос главной темы:

– А, скажите, товарищ Луничев, что собой представляет капитан Колчин?

– Капитан Колчин?.. Да, ничего особенного. Капитан, как капитан.

– Теперь я вас прошу ответить честно, как коммунист коммунисту. Допускает ли Колчин в свих разговорах критические высказывания в адрес Партии и Правительства?

Луничев задумался, вспоминая:

– В общем-то, допускает. Но не больше, чем все остальные.

– Ага! Значит допускает. А, что он говорит, что ему не нравится?

Тут бы Луничеву заткнуться или изобразить из себя известное валянное изделие, так нет же, клюнул он таки на призыв замполита быть честным коммунистом, а, клюнув, откровенно ответил на заданные ему вопросы.

Вскоре капитана Колчина выперли из Академии, а затем он был уволен и из армии. Каким-то образом курсу стало известно о косвенной причастности Луничева к этому событию. Сокурсники не объявили ему бойкот, однако тесно общаться с ним перестали. Они повсеместно старались игнорировать его присутствие. Это страшно угнетало обмишурившегося старшего лейтенанта. Он всеми мерами пытался подладиться к товарищам, но положительные результаты случались очень редко.

На свой день рождения Луничев пригласил почти всю учебную группу. Как бы не были неприязненно настроены к нему сокурсники, но откровенно проигнорировать приглашение на юбилей они не смогли, однако решили оттянуться на подарке. Долго думали, что бы такое преподнести имениннику. С одной стороны презент должен быть серьезным и значительным, а с другой – явной издевкой.

Перед посадкой за стол гости сгрудились для вручения подарка имениннику. Вперед выступил офицер, который нес на вытянутых руках что-то объемное, накрытое розовой тканью. Когда под туш, исполненный а сарелла, ткань была снята, юбиляр оторопел: офицер бережно держал на руках сияющий белизной, большой, гипсовый бюст Сталина. В нависшей тишине лицемерно-торжественно прозвучал голос парторга группы:

– Дорогой товарищ Луничев! Мы сердечно поздравляем тебя с днем рождения и от всей души вручаем тебе наш подарок. Пусть этот прекрасный скульптурный портрет товарища Ста-

лина всегда будет находиться на самом видном месте, укрепляя твою веру в скорое построение коммунистического общества. Береги наш подарок, ухаживай за ним, содержи в чистоте. А мы, со своей стороны, избрали комиссию из трех человек, которая раз в месяц будет проверять, в каком виде ты содержишь этот великий образ.

Бюст стоял на комоде. Он вызывал раздражение, но от него, как от проклятия, невозможно было избавиться. А эта чертова «тройка» пунктуально, раз в месяц появлялась в его жилище, контролируя состояние бюста. И её, эту сраную комиссию, нужно было радостно встречать, да еще и угощать.

Постепенно Луничев по привычке к бюсту и воспринимал его, как некое белое пятно, а в хрущевскую пору стал даже гордиться тем, что обладает явным раритетом, похвастаться которым может далеко не каждый гражданин СССР. Правда, по настоянию жены он убрал бюст с комода и установил его на тумбочке, в дальнем углу комнаты.

Пить по-новой Луничев стал неспроста. Настоятельная потребность в алкогольном утешении возникла потому, что его душевное состояние подверглось новым испытаниям.

Успешно завершив хлопотную эпопею по освобождению и трудоустройству учёных, узников «Барака», он слегка успокоился. Слегка, но далеко не совсем. Все-таки, как ни крути, а существование «Барака» было и незаконным, и нецелесообразным. Да и «пупсы» тяжелой гирей висели на его шее.

И тут, вдруг, приспело государственное решение о создании в недрах бывшего капсульного завода секретной сейсмической лаборатории. Была создана специальная комиссия. Ученые и специалисты при обследовании, как им сказали законсервированного, подземного объекта, были очень удивлены сохранностью и укрытостью подземелья. Разумеется, помещения, в которых размещались «пупсы», ученым показаны не были. Специалисты, после осмотра подземных залов обосновали, не без участия Луничева, необходимость расширения «Барака №5» путем строительства дополнительных подземных сооружений, поскольку существующие помещения не могут быть эффективно использованы для новых нужд. Вскоре в недрах Пороховых и возникла «Новая зона».

После создания «Новой зоны» статут «Барака» сразу же определился и легализовался. Теперь это крупное подземное сооружение числилось в соответствующих реестрах, как совершенно секретный научно-исследовательский центр, находящийся под охраной и опекой КГБ.

Наконец-то кончилась неопределенность и то подвешенное состояние, в котором пребывал Луничев все последнее время, хотя проблема «пупсов» постоянной занозой продолжала ныть в его душе. Годы шли, но принцип Насреддина, на действенность которого очень рассчитывал куратор «Барака», не срабатывал: и власть не менялась и политика оставалась прежней, да и сам Луничев умирать не собирался, а, наоборот, окрепший и бодрый неминуемо и steadily двигался к заслуженному отдыху, т.е. к пенсии.

Именно приближение этого события и тревожило его больше всего. Разумеется, не само событие вызывало волнение, а то, что при наступлении этого события нужно будет передать своему преемнику не только «Барак» со всеми его научными потрохами, но и «пупсов». Сверлящая мысль о том скандале, который неминуемо грянет, когда тайна «Барака» будет раскрыта,

угнетала Луничева непрерывно. Отсюда и его пристрастие к рюмке, и наличие хрустального графина под скульптурным образом вождя.

«КАРАМЕЛЬ»

«Карась (видимо из карасиных космонавтов) выпрыгнул из пруда посмотреть, что делается за его пределами, задохнулся и скорее – на дно.

«Ну что там?» – спрашивают у карася его сородичи. «Никакой жизни там нет», – ответил карась. Конечно, им, карасям, невозможно представить, что есть иные формы существования материи, что мы ездим в автомобилях, пьем коньяки, играем в футбол, возлежим на тахтах, сеем рожь и пшеницу. Это недоступно карасиному воображению; это для них то, что мы называем «сверхъестественное». Но если есть расстояние от нас до карася, так сказать, вниз, то почему же не может быть такого же расстояния до чего-нибудь или до кого-нибудь вверх? Почему не быть таким формам жизни, которые непосильны и неподвластны не только нашей науке, но и нашему воображению? То, что для воображения карася наш автомобиль или наш телевизор, то для нас... неизвестно что. Настолько неизвестно, что любая попытка вообразить это оказывается жалкой и бесплодной».

Вот так образно Владимир Солоухин, истинно русский писатель, изложил свое предположение о возможности существования миров, населенных субъектами с интеллектом на порядки выше нашего, человеческого. В этом вопросе он, конечно же, не был первооткрывателем. Своей литературной версией он просто приземлил мистериозную веру миллионов христиан, иудеев, мусульман в существование высших сфер, где господствуют высокоразвитые, могущественные индивидуумы, которых они называют богами.

Наряду с верующими, многие образованные атеисты также не сомневаются в наличие обитаемых вселенских миров, представители которых в умственном отношении развиты значительно выше человеческих существ. Причем настолько выше, что люди, из-за их примитивности, не способны понять ни природной сущности этих представителей, ни причин, по которым они иногда посещают Землю. Не могут земляне объяснить и природы аномальных явлений, сопровождающих посещения этих неземлян.. Уфологии именуют всех представителей внеземных цивилизаций, оказавшихся на Земле, инопланетянами и пришельцами.

Хмурые специалисты, изучавшие в «Бараке №5» различные аномальные явления, продвинулись в понимание сути внеземных цивилизаций немного дальше и теологов, и уфологов. В «Барак» почти ежедневно поступала совершенно секретная информация: различный текстовой материал, многочисленные свидетельства очевидцев, фотографии НЛО (UFO), кинодокументы, результаты инструментальных замеров, фрагменты загадочных материальных объектов и многое другое.

Исследуя весь этот обильный материал, они установили, что таинственные существа, присутствие которых иногда ощущается жителями Земли (или наблюдается в виде НЛО), вовсе не божественные посланцы и не наглые инопланетные пришельцы, а настоящие, реальные хозяева. Земля же – часть их огромного мира и, наверное (по догадке Стругацких), его периферийная часть, обочина. Барачные уфологии в своем кругу стали называть эти таинственные объекты-существа симбитами.

В доквантовые времена даже выдающиеся умники-физики не знали, что такое электричество, какова природа магнетизма, в чем суть гравитации. Они этого не знали, но в результате многочисленных наблюдений и опытов открыли закономерности, присущие этим явлениям,

что позволило человечеству создать невиданные ранее средства освещения, отопления, общения и передвижения. Барачные исследователи сверхестественных явлений поступали так же, как и их доквантовые коллеги. Они, не зная природы изучаемых ими таинственных, непонятных процессов, внимательно анализировали реальные проявления этих аномальных явлений и делали, хотя и скромные, но удивительные выводы. Результаты своих исследований они доложили на одном из семинаров в «Бараке№5». Их доклад, опубликованный в одном из закрытых журналов, поверг лучшие умы Союза в глубокую растерянность. Компетентные же товарищи не растерялись и всю и так секретную деятельность барачных уфологов накрыли дополнительным колпаком абсолютной секретности. Посему эти специалисты уже не могли впредь выступать ни на каких семинарах и конференциях.

Как уже отмечалось, Луничев при расписовке своих ученых столкнулся с рядом трудностей, главной из которых была проблема их трудоустройства. Больше всего это касалось серьезных уфологов. Куда пристроить этих сов. секретных чудаков? Думал, думал Луничев да и направил их в Азербайджан под начало доктора Заломова. Такое решение он принял не спроста. Оно сформировалось под влиянием одного из разделов того сенсационного доклада, который был сделан уфологами в «Бараке».

В этом разделе говорилось о том, что в результате анализа многочисленных наблюдений установлены земные объекты и целые ареалы, которыми заметно интересуются симбиты. Одними из таких мест были названы беспокойные в тектоническом отношении зоны. Докладчик утверждал, что появление НЛО в таких зонах всегда служит предвестником крупного землетрясения. Это утверждение и натолкнуло Луничева на мысль о целесообразности включения этих специалистов в коллектив сейсмологов, возглавляемых Заломовым.

Как ни странно, но у команды азербайджанских сейсмологов и группы барачных уфологов оказались общие научные интересы. Со временем совместная исследовательская деятельность этих вроде бы несовместимых коллективов разрешилась ошеломляющим научным озарением, которое открыло путь к созданию сверхестественного оружия.

На Западе любят давать наступательным военным системам разные устрашающие названия: «Кобра», «Тигр», «Томагавк», «Барракуда» и т. п. Русские ребята в этом деле видать более ироничны. Как вам нравится такое название: «Бабочка»? Не правда ли мило звучит? Однако если такая бабочка коснется танка, тому – каюк. Потому как «Бабочка» – это мощная противотанковая мина.

Или «Абрикос» – 220-мм реактивный снаряд с зажигательной боевой частью.

Или «Колибри» – 324-мм авиационная противолодочная торпеда.

Если эти невинные по названию штучки такие опасные, то, что говорить об озорнике «Буратино». После его «шалостей» местность смотрится, как лунный пейзаж. «Буратино» – это тяжелая огнемётная установка.

Вот и сверхестественное оружие, над созданием которого стали трудиться в Азербайджанской академии наук люди Заломова, получило, наверное по традиции, не страшное, и даже сладкое название «Карамель».

Принцип действия системы «Карамель» был и прост и фантастичен. Когда Заломов докладывал высшему руководству страны идею научного открытия, сделанного сотрудниками его отдела, он не злоупотреблял мудреными понятиями и научными терминами, а излагал тему так, чтобы неспециалисты поняли суть вопроса.

Доклад содержал несколько наиболее важных пунктов:

1 На нашей планете параллельно с землянами функционируют некие высокоразвитые существа, совершенно не похожие на людей. Эти существа, скорее всего являются сложным симбиозом интеллектуальной био + субстанции и энерго механической системы. Весь этот сложный комплекс, наподобие панциря черепахи или раковины моллюска, прикрыт жесткой оболочкой, неразрывно связанной с биомеханическим гибридом. Таким образом наивно ожидать появления из приземлившейся «летающей тарелки» зелененьких гуманоидов.

У этих композитных существ отсутствует различие по половому признаку. Размножаются они, наверное, промышленным путем: биологическую составляющую выращивают, а механическую изготавливают, а затем все это соединяют в одно целое.

Ученые дали такой системе следующее название: симбиоз биомассы и технического устройства (симбит).

2 Симбиты обладают мощным запасом энергии, которую они расходует, как на свои внутренние нужды, так и для направленного воздействия на окружающую среду. Симбиты способны перемещаться с невиданно большой скоростью и при этом резко изменять направление. Область деятельности этих существ не выходит (предположительно) за пределы солнечной системы. Причины, вынуждающие симбитов посещать наш мир, абсолютно не объяснимы. То ли Земля для них – это место космического отдыха, то ли они подлетают сюда на подзарядку, то ли изучают людей, как подопытных зверюшек.

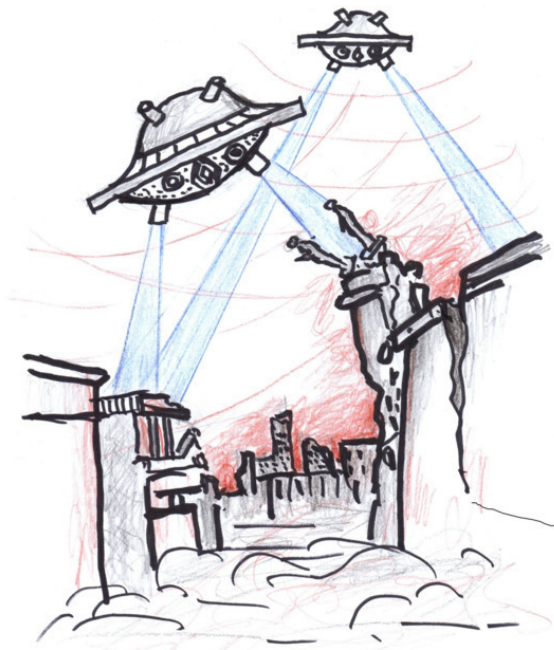
4. Установлено, что при смещении слоев литосферы (сдвиг, надвиг, сдвливание) происходит высвобождение заметного количества энергии (принцип пьезоэффекта). В общем потоке этой энергии очень небольшая доля принадлежит загадочному высокочастотному излучению, имеющему необычные параметры. Характерно, что излучения подобного типа никакими другими земными объектами не генерируются.

Люди не ощущают воздействия этого излучения, но некоторые животные накануне землетрясения тревожно фиксируют его наличие. Ученые считают, что симбиты, при воздействии на них этого излучения приходят в большое возбуждение. По каким-то непонятным причинам это странное излучение негативно влияет на их самочувствие.

5. Сейсмологи до сих пор слабо представляют, что такое землетрясение и почему оно происходит. Стандартное объяснение: землетрясение – это процесс разрядки внутренних напряжений, возникших в земной коре в местах геологических разломов. Такое объяснение ничего не объясняет. Прежде всего, непонятно почему разрядка напряжений ведет к землетрясению, а не наоборот – к умиротворению подземных сил.

6. Вместо общепринятой сейсмологической концепции закавказскими учеными-сейсмологами предлагается очень оригинальная гипотеза. По их понятиям землетрясения (во многих случаях) организуют симбиты. В случае возникновения высокочастотного излучения, вызванного сдвигами земной коры, симбиты, чтобы прекратить отрицательное воздействие этого

излучения на свой организм, наносят по зоне излучения могучий энергетический удар, который и вызывает сотрясение земли. Это очень напоминает действия людей, которые путем арт-обстрела инициируют сход снежных лавин или взрывами расчищают заторы при ледоходе.

61

Атака симбитов

Специалисты Азербайджанской академии наук разработали и создали устройство, генерирующее излучение по своим параметрам сходное с естественным излучением, которое, как правило, предвещает сейсмические безобразия и очень не нравится симбитам. Натурные испытания данного устройства, проведенные на Тянь-Шане, показали, что через час-полтора после включения устройства над местом проведения испытаний появлялись симбиты. Однако при этом никаких подземных ненормальностей не наблюдалось. Очевидно поток, излучаемых устройством частиц, был слаб, и симбиты на него энергетически не реагировали. Можно с большой долей уверенности предположить, что увеличение мощности излучения обязательно спровоцирует симбитов на мощную энергетическую атаку.

После этого доклада финансирование проекта «Карамель» стало фантастически обильным. И руководство страны и военных очень вдохновила идея замены громоздкой и дорогостоящей «Голубой линии» на более перспективную «Карамель».

КАЛИНКА, МАЛИНКА

Ах, как затейливо мельтешили, как рассыпчато переливались бесконечные домровые вариации на русские темы! Как пронзительно голосили горластые самородные певцы из хора им. Пятницкого! Как буркливо и блескуче звучали опусы композитора Будашкина в исполнении оркестров народных инструментов!

А крестьянские попевки в академической интерпретации оперных див? А плясовые и частушечные наигрыши бесчисленных ансамблей баянистов, балалаечников, гуслей? А хоровые баллады о крейсере «Аврора», о пионерском лете, о счастливом детстве, звонко лившиеся из соловьиных горлышек советской детворы? А... Да, чего там, разве все перечтешь! Заботились, ничего не скажешь, очень заботились идеологи КПСС о правильном музыкальном воспитании трудящихся.

При их суровой эстетической селекции такой музыкальный нонсенс как «Черный кот» или «Ландыши», такой декаданс как модерновые творения зарубежных композиторов, такой агрессивный примитив как рок, не говоря уже о цыганщине, о босяцких, полублатных, эмигрантских песнях, никакого доступа ни в эфир, ни на эстраду не имел: все это считалось вредным музыкальным эрзацем.

Другим (после folk) музыкальным блюдом для советских тружеников была классика, русская и зарубежная. Слесари, землекопы, столяры, сварщики и представители других уважаемых рабочих профессий в филармонии особенно не стремились и разными сюитами и сонатами интересовалась не очень, поэтому высокая музыка настырно, в приказном порядке, продвигалась в массы, доставлялась, так сказать, на дом.

Симфонические оркестры и знаменитые певцы часто выступали прямо в цехах заводов и фабрик. Радио и телевидение очень регулярно транслировало скрипичные и фортепьянные концерты, оперные и балетные спектакли. Выпускалась масса дешёвых граммофонных пластинок с записями арий, оперных хоров, симфонических концертов и целых опер. Это был настоящий музыкальный напор. И следует отметить: такой напор был нужен.

Но однажды в этом деле был допущен перебор. В тот период трижды, по нескольку дней подряд лились в уши трудящихся элегические мелодии из симфонических произведений Баха, Бетховена, Чайковского, Шуберта. В то время трижды организовывались государственные похороны: один за другим умерли три Генсека.

Люди из «Сектора Б» (так неброско именовался руководящий центр заговорщиков-чекистов), проецируя эти «гонки на катафалках» на экономическую ситуацию в стране, пришли к окончательному выводу, что социалистический строй сталинского типа, много лет господствовавший в СССР, оказался в тупике, что для вывода страны из застоя и построения истинного социализма, нужно срочно приступать к практическим шагам, то есть приступать к проведению политических и экономических реформ..

РЫБАКИ ЛОВИЛИ РЫБУ

На полянке, недалеко от береговой кромки лесного, диковатого озера лениво курился небольшой костер. Над тлеющими углями висел казанок. В нем булькало варево, пар от которого смешивался с легким дымком и расплзался по кустам, разнося аппетитный запах рыбацкой ухи.

У костра сидели четыре гражданина. Любо́й человек мало-мальски знакомый с рыбалкой, лишь взглянув на них, сказал бы, что это не рыбаки-добытчики и не рыболовы-фанаты, а удильщики-«чайники», очевидно, обеспеченные горожане, которые решили опробовать свои импортные удочки и при этом расслабиться, отключиться от повседневных, суетных забот.

Именно на такой имидж и рассчитывали граждане, собравшиеся у костра, потому что были они даже не рыболовами-дилетантами, а просто полными профанами в рыбацком деле, совершенно равнодушными к прелестям «второй охоты». Они даже не удосужились умочить свои удочки в воду, а для устройства ухи купили кошелку мелочи у местных рыбаков.

«Рыбаки» сидели с серьезными лицами и молчали. Когда из-за кустов выполз пятый «рыбак» с охапкой хвороста в руках, сидевшие у костра оживились.

– Чего это ты, Василий Петрович, так долго пропадал? – заметил один из компании. А другой шутливо предположил:

– Может чудачку-ягодницу какую-нибудь склеил?

Василий Петрович подбросил хворосту в костер и солидно сказал:

– Верно говорят, что чекиста бывшего не бывает. Не понравились мне два грибника, которые здесь шастали. Пришлось проводить их до стоянки. Присмотрелся: все в порядке. Рядовые обыватели.

– Уж больно ты осторожным стал, – обронил черноволосый «рыбак», которого все называли Горцем.

– Будешь осторожничать, когда куда ни плюнь, там и оборотень. Да и конспирация у нас больно уж жесткая.

Здесь Василий Петрович был прав. Деятельность «Сектора Б», верхушка которого и собралась у костра, отличалась особой скрытностью.

Основными конспиративными требованиями были следующие:

- никаких записей (ни рукописных, ни машинописных, ни на электронных носителях),
- никаких частных телефонных разговоров,
- никаких встреч и контактов во внеслужебной обстановке.

Абсолютно доверяя друг другу, люди из «Сектора Б», тем не менее, неуклонно следовали этим требованиям и особо друг с другом не общались.

Но данная встреча у костра являла собой необходимое исключение. Обстановка в стране расколдобилась так, что ждать и тянуть больше было недопустимо. Пришло время коллективно принимать судьбоносное решение о запуске в жизнь первой части мятежной программы «Омега», закодированной как «Белая омега». Такое, в общем-то тривиальное название этой экстримальной программы, должно было, наверное, намекать на её предельность, на то, что «Омега» – последняя возможность уйти от краха. А может быть кто-нибудь из руководителей «Сектора» посмотрел недавно фильм «Вариант „Омега“».

Конечным результатом осуществления «Белой омеги» было отстранение от власти КПСС. Освобождавшийся властный ареал предполагалось заполнить напористыми и не особенно обремененными нравственными тормозами субъектами из так называемого «демократического лагеря».

Вот для принятия решения о начале «Белой омеги» и съехались к лесному озеру (разумеется не на своих машинах, а okazиями) пятеро руководителей из «Сектора Б».

Василий Петрович ворчал:

– И чего мы сюда приперлись? Как большевики-подпольщики, право. На романтику потянуло, что-ли?

Ему ответили:+

– Сразу видно, что давно ты не в системе. Нюх потерял. Такое архаичное randevu – пожалуй единственный способ полностью избежать в наше время подслушки, прослушки, утечки информации.

Политическую и экономическую ситуацию в стране очень кратко, поскольку дяди, сидевшие у костра в этом вопросе были достаточно эрудированы, изложил идеолог «Сектора» высокий, бородатый блондин по кличке Феликс. В заведение, где трудились «рыбаки», не поощрялось разведение на физиономиях запоминающихся зарослей, таких как усы, борода, бакенбарды. Но для генерала Першина (он же Феликс) было сделано исключение. Борода и усы маскировали его губы, изуродованные бандитским кастетом. Закончив сжатый аналитический обзор, Феликс продолжил:

– Провозглашать, что Союз стоит на грани кризиса, так же лицемерно, как говорить об умирающем человеке, что у него проблемы со здоровьем. Ни на какой грани СССР не стоит, он уже перешёл все возможные грани и неудержимо катится к тотальному банкротству, краху и распаду, после которого не только от него, но и от России могут остаться руины или мелкие курьезные фрагменты типа Вятской коммуны или Казанского каганата. Для предотвращения грядущего развала необходимо немедленно, хоть завтра же запускать в действие «Белую омегу». У меня всё. Прошу высказываться.

Все молчали. Пауза затянулась. Наконец от костра поднял голову Василий Петрович и произнес:

– Ну что ж, как младший по чину, начну первым. Феликс, хотя и жестко, но верно оценил положение в стране. Действительно наши политические монстры обречены. Они обречены из-за отсутствия ума, политического чутья и понимания экономических законов. В силу естественной сенильности они в большей степени интересуются не благополучием страны, а результатами анализов собственных выделений. Мы слишком долго ждали их прозрения. Ждали напрасно. Ни о каких модернизациях, обновлениях эта публика и не помышляет. Медлить больше нечего. По большому счету «Омегу» запускать нужно было еще позавчера. И хотя мы затянули с этим вопросом, приводить план в действие лучше не завтра, а послезавтра, так как завтра – это понедельник. Мы хоть и не суеверные, но давайте, все же, побережемся.

Василий Петрович подкинул веток в костер. Хворост быстро взялся, затрещал. Супешник в казанке забурлил. Рыбные шматки то всплывали, то погружались. Уха уже давно была готова, но «рыбакам» было не до трапезы. Они решали мировые вопросы.

– Мы пришли к выводу, – тихо начал свое высказывание полноватый «рыбак» со смешной панамкой на лысой голове, – что тезисы о мировой революции и Всемирной советской республике есть химера. Может быть когда-нибудь, в грядущем мареве веков что-либо подобное и замаячит, но только не теперь. Поэтому, тратить ради этой химерической идеи громадные средства на содержание коммунистических партий практически во всех странах мира, на материальную поддержку подозрительных режимов в разных Нагониях – это преступление перед своим народом, перед своей неухоженной страной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.